

**Христа ради юродивый
старец Паисий,
рясофорный инок
Киево-Печерской Лавры**

**Христа ради юродивый
старец Паисий,
рясофорный инок
Киево-Печерской Лавры**

Собрал и составил священник Владимир Зноско

ТѢПОГРѢФІА КІЕВО-ПЕЧЕРСКІА ЪСЛІНСКІА ЛАВРЫ
2008

По благословению Блаженнейшего
ВЛАДИМИРА,
Митрополита Киевского и всея Украины,
священноархимандрита
Святой Успенской
Киево-Печерской Лавры,
при наместнике Высокопреосвященнейшем
ПАВЛЕ,
архиепископе Вышгородском

**Христа ради юродивый
старец Паисий,
рясофорный инок
Киево-Печерской Лавры**

Собрал и составил священник Владимир Зноско

Главный редактор
игумен Лонгин (Чернуха)

Ответственный редактор
монахиня Евтропия (Бобровникова)

Корректор
Л.А. Несена

Оригинал-макет
диакона Сергия Дерменжи

Дизайн обложки
В. Е. Новикова

Издательство Киево-Печерской Лавры
г. Киев, ул. Январского восстания, 25, кр. 65.
e-mail: lavra@lavra.kiev.ua

Подписано к печати 29.01.2008.

Формат 21×29,7/4. Бумага офсетная.

Гарнитура Школьная. Печать трафаретная.

К ЧИТАТЕЛЮ

Человек безбожный, — достоин плача и сожаления! Обуреваемый волнами безверия, он как корабль без кормчего и руля... Не найдет он спасения от житейских бурь... Не причалит к тихой пристани. Не избежит крушения... Не приобретет вечного покоя за гробом... Кто не верит в Бога, искупление, Святые Таинства, загробную жизнь, бессмертие души, — тот не имеет совести, чести, стыда и способен на все беззаконное.

А сколько ныне людей, отвергающих Бога и все священное на земле! Но для укрепления веры в людях Бог посылает на землю праведников, которые примером святости своей жизни и добрыми делами делают их способными к достижению вечного блаженства. Такими рассадниками духовно-нравственного просвещения среди верующего народа служат наши отечественные обители.

Монашество всегда было оплотом благочестия, служило двигателем просвещения, являлось распространителем религиозно-нравственного света между людьми. Мир во зле лежит. Что случилось бы с ним, если бы он не видел перед собою образцов праведной жизни? Что случилось бы с миром, если бы он не обновлялся духовно милостию Божиею за молитвы иноков-подвижников и других святых людей?

Быть может, рука гнева Божия давно погубила бы его, как погубила некогда Содом и Гоморру.

Скажите, — оскудели теперь у нас праведники? Нет, не оскудели. Дух подвижничества жив в наших монастырях и поныне, как он жив был и всегда. Правда, появились и появляются в них иногда и люди порочные, подобно тому, как появляются они и в мире, но это исключение и обобщать его нет основания.

Монастыри — это академии христианской жизни... Как в учебных заведениях не может процветать наука без опытных преподавателей, так и наука христианской жизни (наука из наук) не может укрепляться в сердцах людей без умудренных духовным опытом наставников и руководителей. А ими всегда были, есть и будут наши пастыри и иноки...

Одним из таких наставников был Христа ради юродивый старец Киево-Печерской Лавры о. Паисий, блаженно почивший 17 апреля 1893 г. Вспомните в жизнь сего великого старца. Она не обольстит и не привлечет никого из нас, любящих мир сей. Ибо жизнь его, как и жизнь многих из иноков, была — одно потаенное служение бедствующему человечеству ради пострадавшего за всех нас Христа. Как драгоценное сокровище прикрывают иногда грязной ветошью, так и сокровище души своей блаженный Паисий прикрывал всегда разными видами юродства, свойственными этому образу подвижничества. Оттого и жизнь его для многих была непостижима. И только тот, кому дано разуметь тайны Царства Божия, может проникнуть и познать ее...

Стяжав от Бога сверхъестественный дар (прозорливость, чудотворение), он такими милостями благодетельствовал людям, каких не в силах дать никакое человеческое могущество. Ибо силою молитв его Бог подавал больным исцеления, скорбящим утешение.

Благословенна та вера, которая являет миру таких подвижников!.. Счастливо то отечество, которое хранит такую веру!.. Счастливы православные христиане, встречающие среди себя таких благодетелей рода человеческого, каким был блаженной памяти старец Паисий!..

И вот, чтобы память об этом великом подвижнике не умерла никогда в людях, издается его жизнеописание.

I

*Благоизволил Бог буйством
проповеди спасти верующих
(Кор. 1, 21).*

Буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит (ст. 27).

Старец Паисий, в мире Прокопий Григорьевич Яроцкий, родился 8 июля 1821 года в городе Лубны Полтавской губернии и происходил из сословия мещан. Родители Прокопия имели шесть сыновей¹. Обладая большой скобяной торговлей и будучи

¹ Старший сын, Григорий, скончался в Киеве заседателем откупных дел; Иван стал непременным заседателем Васильковского земского суда; Моисей – видным чиновником; следующий сын – управляющим комиссионным банком в Брест-Литовске, младший – командиром полка на Кавказе

людьми состоятельными, они пользовались в городе заметным почетом... Мать Прокопия, Мария, отличалась добротой сердца и глубокой верой в Бога. Будучи нищелюбивой и страннолюбивой, она любила принимать и покоем странников и богомольцев, ежегодно посещавших Любенский Мгарский монастырь, а оттуда направлявшихся и в Киево-Печерскую Лавру.

Младенец Прокопий, как юнейший в семье, пользовался особенной любовью матери, и она, в простоте любящего сердца, старалась посвятить все свои силы и разума на воспитание его.

Едва увидела Мария, что подрастающий младенец начал приходить в разум, она тотчас же принялась внушать ему понятие о Боге, о вере в Него, о добродетельной жизни христианской. Научила его также с раннего возраста усердно молиться Господу Богу, посещать храм Божий и быть милосердным к бедным. И заботы благочестивой матери не остались тщетными, но принесли плод сторицей. Прокопий, находясь всегда под таким попечением и руководством матери, с первых же лет своего детства начал выделяться из среды братьев и сверстников своим развитием ума и религиозностью, возрастая и укрепляясь душой в страхе Божиим. Благочестивые странники, получавшие в доме матери Прокопия радушный приют, были для него предметом любопытных наблюдений и своими увлекательными рассказами о святых местах действовали на впечатлительную душу отрока. И юный Прокопий, постоянно созерцая добрый пример благочестия в родителях, постепенно ук-

реплялся духом и восходил от силы в силу в добродетелях.

Какой поучительный пример в этом и для многих матерей современного века!.. Сколько и в настоящее время есть детей, с раннего возраста проявляющих склонность к благочестивой жизни! Посмотрите, как иные дети послушны, уступчивы, кротки, благочестивы, прилежны, усердны к молитве и сострадательны к нищим. Но едва имеет показаться в них сей дух благочестия, как уже и искореняется в самом зародыше. Товарищество с дурными сверстниками, нередко безбожие воспитателей в школах, а главное, недостаток доброго примера в родителях — вот причины, убивающие в детях зародыши добра. Обитая в семье, которая, по слову апостола, не бывает *домашней церковью* и в которой, вместо благочестивой жизни, господствует дух мира сего, дети душевно гибнут и становятся холодными и далекими к Богу...

И как полезно теперь вспомнить слова св. Иоанна Златоустого: «Ныне больше пекутся о конях, — говорит он, — нежели о детях, ибо избирая возницу, рачительно смотрят: не глуп ли он, не пьяница, не вор ли? А когда нужен руководитель детям, принимают первого встречного, не заботясь о том: нет ли у него безбожного головокружения, не заразит ли он юную душу духовным пьянством, не украдет ли у детей обеты, данные Богу при святом крещении, и прав на вечное блаженство»...

Вскоре отец Прокопия скончался, и юный отрок остался всецело на попечении и под руководством одной только матери. Старших сыновей в родитель-

ском доме не было: они порасходились из него и посвятили себя светской службе. Видя в Прокопии большую расторопность и понятливость, вдовамать думала сделать из него ближайшего помощника себе по дому, но надежды ее не оправдались. По смерти мужа торговые дела пошатнулись и были прекращены. А убитая горем Мария отвезла Прокопия в Киев и отдала его на воспитание старшему своему сыну Григорию. Отроку Прокопию было тогда 10 лет, и его определили в Киево-Подольскую духовную бурсу.

Жизнь в школе потекла иначе. К светским наукам юноша не питал большой склонности, изредка только зачитываясь историей Карамзина. Зато уроки Закона Божия и чтение жития святых, в особенности угодников Печерских, сосредоточивали на себе все его внимание. Ему хотелось углубиться в слово Божиим. Хотелось видеть дела непостижимой Премудрости Божией. Хотелось усладить душу словом Божиим. *Коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим* (Пс. 118, 103). И не раз вспоминая впоследствии эти отрадные часы юности, старец Паисий говорил, что во время чтения богодухновенных книг он таял как воск. *И бысть сердце его яко воск таяй посреде чрева* (Пс. 21, 15). Ибо Сам Господь просветил его память и *отверз ему ум разумети Писания* (Лк. 24, 25).

Так ли поступает современная молодежь? К прискорбию, нужно заметить, — нет. Современная молодежь по преимуществу увлеклась модным образованием, а модное образование нередко сообщает юношеству ложные чувства и многих делает непри-

годными к делу спасения. Все мы живем на земле, но жить должны для неба. Поэтому всякий обучающийся каким-либо наукам, в основу своего учения должен прежде всего положить учение веры, т.е. изучение пути христианской жизни по правилам св. Евангелия. Только тогда наше общество могло бы иметь полезных деятелей, которые, соразмеряя светские, научные познания с требованиями правил христианской жизни, — принесли бы пользу и себе, и своему ближнему... Отчего пошло у нас на Руси легкомысленное неверие? Оттого, что юные души, уклоняясь от пути истины и правого учения Церкви, усваивают себе учение вождей неверия, в большинстве случаев ясно не представляя себе его гибельных последствий. Это неверы по безрассудству, это люди, мыслящие и живущие чужим умом. Слово Божие — выше всех наук. И какими бы блестящими познаниями мы не хвалились, — придет для всех нас общее испытание на страшном Суде Христовом, на котором не будут спрашивать, какие мы сделали открытия в области наук и искусств, но потребуют отчета в том: веровал ли ты в Бога или нет, и какие творил дела на земле?..

Светло светит солнце, согревающее лучами землю, но еще светлее сияет благодать Божия, проникающая в сердце и душу человека и согревающая ее через чтение душеспасительных книг.

Так и юный Прокопий, насыщаясь благодатию божественных слов, укреплялся духом и преуспевал в христианских добродетелях... Он не любил ни детских игр, ни иных прелестей мира сего, но своим, не по летам развитым умом скоро познал, что земные

блага временны, непостоянны, а небесные — вечны, неизменны (2 Кор. 4, 18).

Особенно любил он воскресные и праздничные дни, когда училищное начальство заставляло их посещать домашний училищный храм. Отлично зная церковный устав, юноша Прокопий с благоговейным трепетом углублялся умом и сердцем в молитвенные слова и, всем существом стремясь постигнуть смысл совершаемого таинства, не сходил с места до конца службы. Изредка он прислуживал в алтаре церкви и помогал читать и петь на клиросе.

Самым любимым из киевских монастырей была для него Печерская Лавра. Здесь привлекали его своими подвигами лаврские подвижники того времени, постоянное знакомство с которыми и назидательные примеры их личной жизни благотворно действовали на впечатлительную натуру юноши. И чем чаще он наблюдал их, тем больше и сильнее усиливалось в душе его желание подражать их праведной жизни.

С переворотом в душе появилась перемена и в наружном образе жизни. Прокопий стал задумчив и по виду как бы нелюдим и суров. Частенько убегал из училища в Лавру, не появляясь домой. Подобные поступки неоднократно вызывали замечания со стороны училищного начальства и гневное недоумение со стороны родичей-воспитателей. Все почитали отрока своевольным, упрямым и непослушным, и принимали всевозможные меры к исправлению его странного характера, но тщетно. Юноша не доучился, был уволен из училища и определился писцом в Киевскую городскую управу, где старший брат его занимал в то время место секретаря.

Но и эта жизнь была не по душе. Будучи 16-летним юношей и одаренный от Бога умом опытного мужа, Прокопий рано созрел духом и все сильнее и сильнее возгорался ревностью послужить Богу для спасения своей души: *изволих паче приметатися в дому Божиим, неже жити в селениих грешничих* (Пс. 83, 11). Он ясно сознавал теперь, что ему трудно будет оставаться здесь, среди суетного мира, ибо обитая в многолюдном и шумном городе, в котором, по слову псаломскому, не оскудевает *беззаконие, неправда, лихва и лесть*, — он может погубить навсегда свою душу. А потому, возненавидев мирское пристрастие, Прокопий решил во что бы то ни стало удалиться в монастырь.

Но как совершить это? Если открыться родственникам, — его подымут на смех и юношеские думы назовут нелепыми и пустыми. Ведь и так уже следят за ним всеми глазами. И боголюбивый Прокопий решил поступить иначе. В одну глухую полночь, когда все спали, он тайно ушел из дома своих воспитателей.

Путь его был недалек: он направился в Печерскую Лавру. Неизъяснимую радость ощутил он в душе при входе в монастырь. Великая, небеси подобная церковь ярко сверкала при лунном свете своими золотыми главами. Она как бы открывала ему свои объятия, как бы манила его дать обет остаться здесь навсегда и быть в монастыре хотя бы последним служителем. Он вошел в нее, когда совершалась утренняя, и с великим воодушевлением повергся перед иконой Божией Матери, пламенно и слезно умоляя Ее не отринуть его намерения и удостоить принятия в число насельников Ее древней обители.

И молитва Прокопия была услышана. С наступлением утра, когда беглый пришелец обратился с просьбой к монастырскому начальству, наместник Лавры принял его с любовью и радушной простотой и, увидев, что юноша выказывает себя способным к клиросному труду, зачислил его в обитель на временное послушание.

Прошел день, другой, третий, неделя, а Прокопий в родной дом не возвращается. Перепуганная родня всполошилась, дали знать в полицию, разослали публикации в газеты, но тщетно: беглец точно исчез без вести. Много тревожных дней пережила за это время его родня. Много горьких слез пролила за это время родная мать Прокопия и, наконец, отчаявшись видеть когда-либо своего сына в живых, возвергла печаль свою на Господа Бога.

Было 3 мая — день памяти преподобного Феодосия Печерского. Народу в Лавре было видимо-невидимо. Соблюдая монастырское постановление со времен преподобного Феодосия — бесплатно устраивать в этот день богомольцам обеденную трапезу, иноки Лавры с раннего утра поставили для народа обеденные столы возле Великой церкви и наполнили большие кади монастырским квасом. Вот загудели лаврские колокола, и подвижник-митрополит Филарет вышел из церкви на паперть, чтобы благословить народную трапезу. Церемония кончилась, и утомленные долгим ожиданием богомольцы шумной толпой ринулись захватывать места и усаживаться. Брат Прокопия Григорий с женой Ириной тоже были здесь и со стороны наблюдали эту величественную и умирительную картину. Вдруг наблюдательный взор

Ирины, жены Григория, заметил невдалеке юного Прокопия. Он суетился около столов, услуживая трапезующим. Женщина подошла к нему и громко окликнула беглеца. Прокопий испуганно взглянул на нее и хотел было незаметно скрыться, но брат Григорий удержал его сзади за руку и, крепко обнимая, со слезами радости принялся лобызать его.

— Прокопий! Что ты сделал с нами?.. Зачем убежал из дому?.. Зачем причинил нам столько горя, хлопот, — задыхающимся от волнения голосом заговорил Григорий.

Открытый в замыслах, Прокопий стоял перед ним бледный, неподвижный, растроганный. Так прошло несколько минут. Но потом, оправившись несколько, начал говорить брату.

— Не мешайте мне восходить горе к Богу... Вы знаете меня... Знаете мое настроение. Вам знакомо влечение моего сердца... Не мешайте же мне... Я не хочу жить в мире...

— Прокопий! Ты юн еще... Не думай, что это твердая твоя воля... Это влечение неопытной молодой души... Вернись к нам, вернись... Ужели ты забыл любовь мою к тебе?.. Ужель я не заменял тебе отца родного?

Но все уговоры оказались тщетными. Прокопий остался непоколебим. Монастырь казался ему лучше всего. Он не замечал здесь суетливой беготни людской. Не слышал громких споров из-за жизненных интересов и целей земных и т.п. Все напоминало здесь о едином на потребу. Все поражало чистотой, порядком, благоустройством и благолепием. И теплящиеся перед образами лампы, и строгое

выполнение богослужебного церковного чина, и стройное пение иночествующей братии — все располагало трудиться на пользу души. Все научало презирать суету мирскую... *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1). И поддаваясь всецело такому впечатлению, Прокопий остался трудиться в Киево-Печерской Лавре и был перемещен в число клирошан Ближних пещер.

О, блаженна та юность, которая посвящает себя на служение Богу. Не весной ли пашет земледelec землю? Не весной ли он засеивает семена свои на поле, чтоб иметь хорошие плоды?.. А юность — это и есть весна нашей жизни... И кто в период этой весны посеет семена благочестия, тот пожнет в будущем обильный плод...

Прошло несколько лет. Прокопий свыкся со своим положением. Но будучи на временном послушании, — в списках послушников Лавры не числился, а потому и права называть себя сыном обителя не имел. Это его сильно беспокоило и угнетало. Чтобы достигнуть этой цели, ему нужно было преодолеть немалые препятствия. Прежде всего необходимо было получить увольнение из среды Лубенского мещанского общества, что потребовало его личной поездки туда. Правда, общество уволило его беспрекословно и приняло все казенные подати и общественные повинности на свою ответственность; но оставалось еще второе главное препятствие: испросить согласие родственников, а в особенности благословение матери, которая видела в нем опору своей старости и настойчиво требовала возвращения в родительский дом для устройства домашних дел. Но юный подвижник, всей душой

привязавшийся к обители Печерской, хотя с великим трудом и усилием, но все-таки получил материнское согласие и благословение, а братия выдали от себя даже письменное удостоверение в этом.

Однако на этом дело не кончилось. Духовный собор Лавры, рассмотрев представленное Прокопием увольнительное свидетельство, нашел его недостаточным в таком виде и отослал еще на рассмотрение и утверждение в Полтавскую казенную палату. Дело рассмотрения длилось около 3 лет и настолько ослабило волю Прокопия и поколебало все его надежды, что удрученный его бесконечным замедлением, юный подвижник подал прошение об увольнении его вовсе из Лавры.

Но *стоны человеческие* не от людей, а *от Господа исправляются*. Провидение Божие, от юности избравшее Прокопия сосудом благодати Своей, чудесно удержало его в обители, ибо в тот самый день, когда Прокопий получил от Лавры расчет и документы, он опасно занемог и был отправлен в братскую больницу на излечение. В эту же ночь, говорят, он удостоился во сне некоего чудного озарения Свыше. Ему открыта была тайна будущего подвига, на который призывал его Господь, а Матерь Божия укоряла его в малодушии и, обещая ему Свою небесную помощь, укрепила в надежде и вере. Извещенный об этом видении наместник Лавры, архимандрит Лаврентий, которому сообщено было об этом духовником Прокопия, немедленно отдал приказание оставить Прокопия в Лавре. А находившиеся у него на руках документы отобрать и приобщить к канцелярским делам.

Таким образом многочисленные препятствия миновали, и молодой подвижник благочестия, согласно воле митрополита Филарета, был зачислен 23 марта 1850 года в число действительных послушников Лавры с оставлением на клиросном послушании при пещерах.

II

Святая Киево-Печерская обитель, издревле слававшаяся своими подвижниками, представляла и на сей раз для Прокопия обширное поле для его духовных наблюдений. Сам приснопамятный святитель Филарет, выдающийся аскет-администратор того времени, и его достойные сподвижники иеросхимонахи — Парфений, Христа ради юродивый Феофил и другие иноки Лавры, служившие высоконазидательным образом для монашества, — имели на Прокопия неотразимое влияние. Многочисленные рассказы о духовных подвигах и выдающихся чертах непостижимого образа жизни этих людей не раз закрадывались в глубину сердца Прокопия, побуждая впечатлительный ум к полезным для души размышлениям... Келья великого старца Парфения, которого Прокопий избрал с этих пор своим духовником, находилась тут же, на Ближних пещерах. И едва только начинали угнетать его помыслы или обуревать страсти, он, с младенческим доверием, немедленно спешил к старцу Парфению, чтобы получить от него полезное назидание.

Проста и безыскусственна была речь старца Парфения. Но, будучи преисполнена воды живой, она

напаяла, укрепляла и врачевала простую и горячо верующую душу Прокопия.

Не раз бывал он и у старца Феофила. И встречаясь с ним на дороге, в келье, в лесу или в Китаевском саду, принимал от него благословение и беседовал с ним о спасении души. Изумительная, непостижимая внешним умом жизнь этого, отрекшегося от мира, Христа ради юродивого старца², его нищенское рубище, утонченное постом и воздержанием тело, его своеобразная, малопонятная приточная речь и манеры, — вызывали у Прокопия удивление, и он по целым часам молча наблюдал старца со стороны, почерпая из жизни его глубокие уроки для подражания.

После таких бесед и наблюдений Прокопий внутренне перерождался. Он думал лишь об одном, как бы непрестанно трудиться, молиться, всегда и во всем слушаться своего начальника, никого не оскорблять и не осуждать. И утверждаясь всегда в этом правиле, он действовал и поступал согласно требованию его.

Велика добродетель монастырского послушания! Посредством его отсекается собственная воля. И блажен тот, говорит св. Иоанн Лествичник, «кто волю свою до конца умертвил и попечение о себе препоручил своему наставнику о Боге, — ибо таковой станет одесную распятого Спасителя»... Некий великий старец, будучи в восхищении, видел в небе четыре чина, знаменующие совершенство подвижников: на первой ступени стоял недугами удрученный, но

² См. жизнеописание старца Феофила, изданное Киево-Печерской Лаврой в 1906 г.

благословляющий Господа. На второй — бескорыстный странноприимец. На третьей — безмолвный пустынножитель. И на четвертой — послушный своему наставнику и ради Господа всем сердцем ему преданный... Ибо не только человек, но и *звезда от звезды разнствует во славе...*

Положив, таким образом, доброе начало спасению своей души, Прокопий стал понемногу совершенствоваться духом и, как бы ступая по лестнице с одной ступеньки на другую, восходил на вершину добродетельной жизни... Почему же Прокопий начал с малого? А потому, что силы духовные, как и силы телесные, возрастают не вдруг, а мало-помалу. И преждевременное напряжение через меру может ослабить их и довести человека до великого падения.

Клирошанские обязанности, которые исполнял Прокопий в пещерах, считаются послушанием не легким. Помимо дневных церковных служб, помимо продолжительных всенощных бдений, отличающихся хотя и великолепиями для слуха, но весьма утомительными для голоса лаврскими напевами, на обязанности клирошан лежит еще исполнение треб: молебнов, акафистов, панихид и пр. Но Прокопий, отдавая на этот труд все свое время, никогда не жаловался на тягость своего утомительного послушания и продолжал служить для всех образцом кротости, терпения и смирения. Блажен же у Господа такой раб послушания. *Имей заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14, 21).

Юные клирошане-товарищи, видя в Прокопии такое усердие к св. обители и завидуя прекрасным качествам его неиспорченной души, задумали над

ним забавно и зло подшутить. Они обманом и силой напоили его вином и, подобно сыну Ноя, поглумились над ним. Но он не воздал товарищам злом за зло, а чтобы наказать свою плоть за такой поступок, целых двое суток постился и молил Бога о прощении ему сего невольного согрешения.

С этого момента уединение и безмолвие стали главным и обычным правилом его жизни. Постоянно проводя свободное от послушания время в келии и оставаясь наедине с самим собой, он мог внимательно сосредоточиваться в своих помыслах и предупреждать малейшее греховное движение. Келия и одиночество служили для него средством к самоусовершенствованию духа, и страстные помыслы, не находя удовлетворения, — замирали и утихали совсем. «Сиди в своей келии, — говорил один старец, — и рассеянные мысли твои соберутся. Когда ослица привязана, осленок не скачет туда-сюда, а убегая на время, вновь возвращается к матери. Так и мысли монаха, постоянно пребывающего ради Бога в келии, — хотя и рассеиваются на время, но скоро вновь возвращаются к нему»...

Однако, преуспевая в добродетелях и восходя от силы в силу, Прокопий все-таки сознавал, что он не успел еще пройти через горнило искушений и бед, очищающих, как золото, душу человеческую. Мысль о том, что он далек еще от истинных подвижников Христовых и что не испытал от людей оскорбления и гонения, — постоянно занимала его. Ибо всякая злоба и огорчение, которое причиняли ему люди, под противодействием его смирения и терпения теряли для души его свою язвительность и горький яд...

Характер человека определяется тем, на какую сторону он склоняется. Если он будет на стороне духа, то он *духовен*. Если на стороне *плоти*, то *плотян*. Правда, не следует забывать и того, что дух и в плотяном человеке не погибает, а только поработается плоти и как бы теряет право своего голоса, становясь рабом и изобретая для плоти всевозможные усаждения. Точно так же и в духовном человеке — плоть тоже не совсем исчезает, а лишь подчиняется духу и, теряя свои естественные права, работает не себе, а духу.

Бог не пребывает там, где царит плоть. *Не имать дух Мой пребывати в человецех... зане суть плоть* (Быт. 6, 3), ибо орган общения человека с Богом есть дух, который, если подчиняется плоти, не будет соответствовать своему великому и святому назначению. И если мы видим, что дух начинает понемногу проявлять свое превосходство над плотью, это означает, что дух чувствует приближение Божие. Когда же дух вполне освободится от подчинения плоти, Бог начинает Свое общение с человеком и пребывает в нем. Тогда начинается для человека *оухотворение* его души и тела, и, через это пребывание в себе Бога, человек делается свят и убегает греха...

То же самое видим и в жизни инока Прокопия. Когда плоть его стала подчиняться духу, сила Божия невидимо соединилась с ним. И по мере того, как внешний человек в нем тлел, внутренний — духовно жил и нравственно возвышался.

Когда же немощь начинала одолевать его и колебала твердость духа, Прокопий ободрял ее силой воли и утешал надеждой на милость Божию. Неко-

торые из братии, имевшие счастье быть соседями Прокопия по келье, неоднократно были свидетелями его ночных молитвенных подвигов и ожесточенной борьбы со своими помыслами. После чего в душе его наступал тихий мир, а за миром и радость о Дусе Святе...

III

Может ли человек учить чистоте нравов других, если сам нечист? В силах ли он отвращать от пороков других, погибая сам в беззакониях и грехах? Нет. *Будите совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). Вот заповедь Спасителя всем нам, православным христианам. К выполнению этой заповеди стремился и подвижник Прокопий, денно и нощно совершенствуясь духом и сердцем. Побуждаемый сильной ревностью по Боге и пламенной любовью к Спасителю, и не довольствуясь соблюдением обычных правил поста, благочестия и молитвы, — Прокопий стал стремиться к тому, чтобы благоугодить Богу еще высшими подвигами. Тесен был его затвор в келии, но и этого ему было мало. Утончилось от поста бренное тело его, но и оно казалось ему буйным и опасным врагом. Ему глубоко запали в душу слова божественного Павла: *мы буим ради Христа* (1 Кор. 4, 10). Он постоянно размышлял о них и испытывал при этом неизреченную сладость в сердце, желание чего-то нездешнего, в этом мире не существующего, с природой мира сего не связанного. Ему хотелось шествовать путем праведных. А ведь праведные терпели голод, сту-

жу, побои, раны, темницу и, не взирая при этом ни на какие страдания, воспевали псалмы и утешались надеждой на получение венца небесного...

И с этой поры все земное стало для Прокопия ничтожным, ко всему он охладел, ничем не прельщался. Как быстрый и сильный поток, долго сдерживаемый в своем течении, мгновенно разрывает преграду и с шумом несется вперед, так и ревность Прокопия в стремлении к высшему подвигу совершенства, оказалась наружу со всей своей силой. *Внидите узкими враты*, — мысленно рассуждал в себе Прокопий, — *яко пространная врата и широкий путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящий им* (Мф. 7, 13). Чудные слова!.. Назидательные слова!..

Но не всякий вмещает слово это, а только тот, кому дано есть (Мф. 19, 11). Всякий избирает себе путь сообразно своим силам и призванию. А потому и Прокопий, будучи одарен от природы крепким телом и твердой волей, избрал для себя подвиг тяжелый, прискорбный и для обычных смертных опасный. Называется он подвигом Христа ради юродства.

Не радостями, а скорбями должно достигать нам Царства Небесного. Греховная болезнь нашей души упорна, застарела, и ее необходимо врачевать горькими травами, сильными средствами, болезненными операциями. В лице падшего праотца Адама мы все осуждены влачить на земле жалкое существование, все осуждены на труды, болезни, скорби и бедствия, и не было еще в мире такого человека, который не испил бы сей горькой чаши... И чаша этой горькой жизни для Прокопия уже начиналась...

С изменением внутреннего состояния души изменился, как замечено нами выше, и внешний образ жизни Прокопия. Памятуя слова Премудрого: *кто прикасается смоле, очернится, и кто входит в общение с гордым, сделается подобным ему* (Сир. 13, 1). Прокопий сделался безмолвен, печален, угрюм, осторожен. Ни с кем не входя в общение, никого не посвящая в глубокую тайну своего сердца, он обитал среди людей, как мертвец, и преисполненная высоких мыслей и чувств душа его была закрыта для всех, как неразгаданная тайна. Зато величие Божие проглядывалось в каждом его слове. Свое бесславие он обращал в славу Божию и, следуя примеру истинного крестоносца Владыки Христа, нес тяжелый крест свой по доброй воле и сердечному влечению...

К первоначальным проявлениям юродства Прокопия можно отнести, например, то, что будучи клирошанином, он никогда не читал в церкви по книге, а положив ее кверху буквами, поворачивался на восток и читал на память. При этом каждое личное обращение к имени Пресвятой Троицы или Богородицы, выраженное местоимением «Ты» — нередко заменял местоимением «Вы»: «Богородице Дево, радуйтесь, благодатная Марие, Господь с Вами, благословенна Вы в женах и благословен плод чрева Вашего» и т.д.

Кроме того, являясь перед началом богослужения в церковь и взошед на солею, поворачивался всем корпусом к народу и шел к клиросу боком, вызывая этим у многих несдержанный смех... Но чтобы казаться еще более странным, высоко подымал полы своего подрясника и принимался вытирать

ими клиросные перила. Если же ему приходилось где-либо спускаться по лестнице вниз, — он не совершал это обычно, по-человечески, а, начиная с верхней ступени, одним прыжком перешагивал несколько их сразу, так что многие удивлялись, как он не ломал ног себе...

За такое непонятное поведение Прокопий был освобожден от клиросного послушания на Ближних пещерах и переведен в Голосеевскую пустынь на послушание записчика.

Но и здесь он продолжал жить по-прежнему, не заботясь для себя о скоропреходящем, но с глубокой верой и благодарением претерпевая всякие скорби и лишения.

В зимнее время Голосеевская пустынь, окруженная большим лесом, — тиха и уныла. Но летом, когда омертвевшая природа оживает, — Голосеевская пустынь представляет из себя чудный уголок, в который стремится на отдых душа каждого лаврского инок... Не даром приснопамятный митрополит Филарет избрал Голосеево местом своего дачного пребывания. Приезжая сюда в мае и обитая здесь целое лето, он посвящал себя безмолвию и предавался созерцательной жизни, не оставляя при том своих подвигов бдения и горячей молитвы. Для этой цели святитель устроил в Голосееве домовую церковь и, посвятив ее памяти преподобного Иоанна Многострадального, приказал отправлять в ней ежедневную раннюю службу.

Переведенный сюда Прокопий, нередко встречаясь с владыкой-митрополитом на монастырском дворе, был удостоиваем им краткого разговора. При-

чем маститый архипастырь настолько присмотрелся к жизни молодого подвижника, что неоднократно даже заставлял Прокопия читать свое келейное правило, а потом сделал его и своим временным чтецом... Голос у Прокопия был густой, сильный и звучный баритон, и читал он в церкви с большим искусством и воодушевлением, возбуждая сердца слушателей к молитвенному настроению.

Случай этот несколько улучшил незавидное положение подвижника, и волей архипастыря Прокопий был пострижен в рясофор. Пострижение совершено 31 октября 1854 года начальником Голосеевской пустыни иеросхимонахом Моисеем, и постриженный инок получил новое имя — Паисий.

Получив со званием рясофорного монаха или рясоносца благословение носить рясу и камилавку, Паисий видел в этом одеянии не только особенный вид наружного платья, но и средство для усмирения и удрочения души, ибо самое наименование — ряса — показывает грубое вретиче...

Чтобы сохранить навсегда бодрым и неразвлеченным ум свой, инок Паисий закрыл окончательно храмину своей души и с молчаливым самоуглублением шествовал по избранному им тернистому пути... С монастырской братией обращался не особенно вежливо, и как бы умышленно стараясь вынудить встречного или беседующего на насилие или оскорбление, — досаждал тому словом, а иногда и действием. Ежедневно являясь в церковь, приходил туда, как бы в забывчивости, — босиком или в сапогах на одну ногу, что делал даже зимой... Иногда чтец, завидя его в церкви, предлагал ему, за недосугом собственного

времени, прочитав часы, но Паисий вместо ответа принимался широко шагать по церкви, а если начинал читать — делал внезапно продолжительную паузу, приводя этим слушателей в немалое смущение...

Монастырское начальство, видя бесконечные причуды Паисия, но не уразумевая духом открывавшейся в нем благодати Христовой, стало смотреть на него, как на душевнобольного, и не в состоянии было придумать никаких мер к предотвращению его дальнейшего юродства...

12 декабря 1854 года инок Паисий отпросился в двухмесячный отпуск для свидания с матерью, которая в течение 14 лет, т.е. со дня поступления сына в обитель, ни разу не видела его. По возвращении своем из отпуска о. Паисий от послушания записчика был освобожден и послан в братскую хлебню. Но по истечении года, а именно 10 ноября 1855 года, за крайним недостатком церковных певцов, был снова переведен на Ближние пещеры и определен на прежнее клиросное послушание.

Здесь о. Паисий пробыл несколько месяцев. Особенному юродству не предавался, а в тайне занимаясь усовершенствованием духа, был даже назначен помощником уставщика. В будущем его ожидала в Лавре видная почеть, но он не прельщался этим. Признавая все блага и удобства временной жизни, *якоже уметы Христа ради* (Флп. 3, 8), о. Паисий едва только замечал, что люди начинают относиться к нему с подобающей честью и должным вниманием, тотчас принимался за прежний образ жизни, и чтобы избежать новых искушений и соблазнов, решил навсегда удалиться от людей.

Был праздничный день. В летней церкви на пещерах шла Божественная литургия... Вот пропели антифоны, совершен малый вход, приближается время чтения апостола... О. Паисий, отыскав накануне зачало и главу апостола и заложив страницу лентой, с благоговейным вниманием выходит с книгой на середину церкви и начинает говорить прокимен. Но открывая Апостол для чтения, видит, что ленты, которой заложена была страница, нет: товарищико-клирошане, желая подшутить над чтецом, нарочно вынули ее из книги. О. Паисий стоит в недоумении, забыв, что ему читать. Происходит пауза, вслед за которой озадаченный чтец закрывает книгу, кладет ее на солею и, нарушив безмолвную тишину искусственно-неестественным хохотом, озираясь и приседая, выбегает через алтарь церкви на двор...

После этого знаменательного и загадочного для многих случая о. Паисий на клиросное послушание уже не вернулся. Он стал скитаться по городу и киевским монастырям. И только изредка заходил в Лавру во время богослужения и, ставши в церкви около клироса, принимался умышленно бормотать бессвязные слова.

Из клирошанской келии о. Паисия выселили и поместили в сторожке. Но блаженный и от этого комфорта наотрез отказался. Он нашел себе убежище где-то на чердаке, проводя дни свои во всяком злострадании: летом он терпел дневной жар, а зимой — стужу и холод.

Вскоре лаврское начальство начало убеждаться, что все творимое о. Паисием есть не что иное, как предумышленное юродство, и потому переместило

его на послушание в Китаевскую пустынь на кухню.

Здесь о. Паисий еще более усугубил свое юродство, совершая втайне великие дела терпения, любви, добра. Приходя в поварню раньше всех, он готовлял дрова и воду, зажигал огонь и, помогая поварам в их тяжелой работе, изнурял плоть свою усиленными трудами.

Праздность — мать всех пороков. Она *научает* многих злобе (Сир. 33, 28) и укрепляет в душе дурные навыки. А бездействие ослабляет и душу и тело, делая последнее неспособным к труду. Ибо, как вода, не имеющая течения, заражается и гниет, так и тело человеческое, находясь без движения и труда, портится и ослабевает. *Иди ко мравью, о лениве, и поревнуй, видев пути его* (Притч. 6, 6).

Памятуя сие, о. Паисий сохранил в сердце своем великую любовь к честному и полезному труду. Даже опытные иноки не один раз удивлялись его силе, выносливости и терпению, когда он, взвалив, бывало, громадное бревно себе на плечи, а за другое ухватившись рукой, тащил их по монастырскому двору в кухню, падая и изнемогая от усталости. И когда кто-нибудь из посторонних хватался за бревно, предлагая труженику свои услуги и помощь, о. Паисий с отчаянием в голосе восклицал:

— Не дам тебе!.. Оставь!.. Это моя заслуга!... Мой крест!..

Когда же всякое общение с людьми ему надоедало и душа подвижника искала уединения, о. Паисий предавался такому уединению в соседнем лаврском лесу, или же совершал путешествие одиноко в Лавру.

Никто не преследовал его за это. Многие из наблюдавших собратий, пытливно всматриваясь в эту его оригинальную жизнь, все более и более убеждались, что среди них обретается не притворник какой, а избранник Божий, добровольно распинающий себя со страстями и похотями и под прикрытием мнимого безумия выступивший на великий и тяжелый подвиг Христа ради юродства...

IV

С принятием на себя подвига Христа ради юродства, о. Паисий резко изменил образ своей жизни. Добровольно приняв на себя вид безумного, а нередко и мнимо нравственно падшего человека, не признающего ни приличия, ни стыда, позволяющего себе иногда соблазнительные действия, — он отрекся, таким образом, от главного отличия человека от прочих земных существ, т.е. от разума. Будучи от природы человеком разумным и разрешая всякие житейские вопросы быстро, метко и рассудительно, он прикрывал их притчами и тем вовлекал наблюдателя в неудоборазрешимое недоумение. *Аще кто мнится мудр быти в вещи сем, буй да бывает* (1 Кор. 3, 18). Таким образом поступал и о. Паисий.

Не сообразуясь с веком сим, но преобразуясь обновлением духа своего, чтобы познать, *что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2), он всей своей жизнью и постоянным словом напоминал всем о высших целях жизни, всеми способами стараясь утвердить сознание грешных людей в том, что мы не имеем здесь, на земле, постоянного

града, но должны искать будущего (Евр. 13, 14), достигая добрыми делами благ духовных, вечных.

Чтобы окончательно поработить плоть свою духу и *распять ее*, по слову Божию, *со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), о. Паисий не только отказался от всех самых позволительных и обыкновенных для человека удобств жизни, но обрек себя на чрезвычайные нужды и лишения.

Даже самые необходимые предметы для поддержания жизни: отдых, пища, одежда, жилище — перестали служить для него предметом забот.

Как истинный странник на земле и гражданин небесного отечества, он не имел попечения ни о приюте, ни о какой-либо собственности, но с точностью осуществлял на себе слова Спасителя: *не пе́щитесь душою вашею, что ясте, или что пьете, ни телом вашим, во что облечетесь. Не душа ли больше есть пищи, и тело одежды* (Мф. 6, 25). *Ищите же прежде Царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33).

В обращениях своих с людьми блаженный старался говорить, как замечено выше, притчами. Все проступки и грехи, которые провидел в глубине души собеседника, он как бы переводил на себя, на свое собственное «я». Само собой понятно, что, слушая его речи, собеседник не понимал их и только после некоторого размышления постигал значение его иносказательных слов.

Если же кто-либо называл о. Паисия «батюшкой», тому блаженный сердито замечал:

— Какой я вам батюшка?! Говори — старичок-дурачок.

— Да как же так, отец Паисий... Ведь вы монах.

— Да какой же я тебе отец, ах ты!.. «Отец наш на небесах живущий, Той промышляет и милует души наша». Не говори — отец, а говори — Прокушка, Паяций, Паисей...

Великая добродетель в жизни человека — смирение. Смирение есть признак величия духа, а гордость — отпечаток низкой души. Взгляните на смиренных, чем они были. Авраам говорил о себе: *я земля и пепел*; но был отцом верующих, которому, между патриархами нет равного... Давид говорил о себе: *я червь, а не человек*; но был порфиноносным пророком, которому между царями нет равного... Апостол Павел писал о себе: *я наименьший из апостолов и не достоин называться сим именем*; а не он ли был одним из первоверховных? Смиренна была Пресвятая Дева Мария, глаголавшая к Ангелу: *Я раба Господня, да будет Мне по слову твоему*; но кто Она для всего рода человеческого? — Матерь Божия, высшая Херувим и славнейшая Серафим... А Иисус Христос разве не унижал себя? Разве не умывал ног Своим ученикам?

Ночь проводил блаж. Паисий где придется. Иногда приходил к кому-либо из братий в келью, а иногда в портняжную мастерскую или братскую баню и ложился где-либо под столом; иногда ночевал в братской хлебне на печи, а иногда на церковной паперти или просто на дворе.

Сон блаж. Паисия был необычайным. Никто не замечал его действительно спящим. Вероятно он укреплял себя дремотой где-либо в захолустье в послеобеденное время.

Бывало придет к кому-либо в 9–10 часов вечера, разденется и уляжется под столом, а через короткое время — снова оденется. Затем полежит несколько минут, обует один сапог, и широко и комично шагая выйдет на двор, чтобы не дать своему телу отдыха и покоя. По возвращении снова разденется и уляжется, но через некоторое время опять начинает облачаться в свои отребья или принимается громко плакать и молиться. С первым же ударом колокола быстро мчится в церковь на молитву. В *полунощи востах исповедатися имени Твоему, Господи* (Пс. 118, 62).

Одевался блаж. Паисий также весьма оригинально. Одежды своей он никогда не имел, а получая от кого-либо свиту или рясу, прежде выпачкает ее в грязь или отрежет кусок полы или рукав и, разодрав ее в нескольких местах, тогда только облачается в нее... Подрясник блаженный не особенно любил, и если таковой предлагали ему, то он указывал рукой на нищих: «Смотри, сколько солдат стоит... Им, душко, отдай»... Обыкновенно же любил носить и зимой, и летом монашескую свиту или рясу, подпоясывая ее либо куском веревки, либо отрезком суконной материи.

Очисти прежде, говорит один старец, *внутреннее*, так и *внешнее* чисто будет... А если внутренняя нечистота царствует в душе твоей, то как бы ты не одевался, она сделает нечистым и внешнее, и ты будешь похож на повапленный гроб... К сожалению, современные люди не признают этого. Тратя тысячи на ненужные наряды и украшения, нередко проходят без внимания мимо нищего. Так ли учил

нас Христос? Он, глава наш, Свет всему миру, Истина и Живот, лежал в яслях, а мы утопаем в мягких одрах. Он орошался в молитве кровавым потом, а мы обливаемся дорогими благовониями... Кровавые капли падали на Его грудь, а мы украшаем ее дорогим жемчугом... На голове его был терновый венец, а мы голову свою украшаем драгоценными уборами... Он был наг, а мы одеваемся в пышные одежды... О, жалкое наше тщеславие!..

На скудной волосами голове блаж. Паисий носил широкую повязку на подобие главоотяжца (убруса). Но повязка эта была неимоверно грязна и издавала неприятный запах. Указывая кому-либо из молодых клирошан на свою лысину, блаж. Паисий растирал на ней ладонью свою слюну и, посыпая песком, шутиливо приговаривал:

— Лысинка-с... Дурость... Это меня девушки в молодости любили... От того у меня и лысинка... Эге-ге, и я в свое время был тоже красивый... 15 лет на клиросе пел...

На ногах о. Паисия были дырявые валенки или без подошв сапоги, а в руках неизменно носил он железную палку с изогнутой рукояткой, обмотанной тряпкой и закрепленной проволокой. Ею он подпирался, а когда была не нужна — носил под мышкой.

Ходил блаж. Паисий весьма оригинально: ступал широко, как маршируют солдаты, и, как бы измеряя величину места, равномерно расставлял ноги. Изредка для странности, он не шел по тротуару или посередине дороги, а медленно крался около самых стен, шагая через водосточные трубы или пролезая под ними вниз.

Рук своих блаженный, по-видимому, никогда не умывал. Если же кто-либо обращал на его руки пытлиное внимание, тому о. Паисий замечал:

— Вымыть? Руки хочешь вымыть? Эге! Они от того коростой заболеют...

Белья о. Паисий почти не носил, а если и надевал когда рубаху, то не менял ее, пока не изорвется, отчего разводились в ней насекомые, причинявшие телу его нестерпимые мучения... Не выдерживая подчас такой мучительной пытки, о. Паисий горестно восклицал:

— Ах, вы, заели меня, проклятые!..

И с этими словами бежал в портняжную мастерскую, где скинув свою рубаху, начинал ее разглаживать горячим утюгом, истребляя таким образом своих назойливых мучителей-насекомых.

— Вишь как измялась рубашечка-то! И ночку, и день ведь ночь! Вот мы ее и обновим, и выгладим... Да-с...

А то прибежал однажды к послушнику N, ухватил со стола нож и кричит:

— Душко! Три скорее спину, три!

Послушник беспрекословно повинуетя и начинает тереть спину тупым концом ножа, а блаж. Паисий еще пуще кричит:

— Три, душечка, лучше, сильнее! Острым концом три!

— Мочи нет, батюшка... Кожа начинает слазить, кровь идет!

Многие из иноков, устаивавшиеся принимать блаженного Паисия на ночлег, давали ему для подстилки какую-либо одежду, но ни одно насекомое не

переходило туда с одежды о. Паисия. Даже сам блаженный, принимая от хозяина келии покрывало и замечая на лице приютившего смущение, старался его утешить:

— Не бойся, душечка... Мои зверьки к тебе не перейдут...

Однако, несмотря на это, многие брезговали принимать блаженного к себе в келию, но он к таким заходил как-нибудь случайно в отсутствие хозяина-гордеца и умышленно ложился на его кровать.

— Возвращаюсь я с послушания в келию, — рассказывал один послушник из клирошан С. Б., глядь, о. Паисий на кровати лежит и почесывается. Полежав немного, он поднялся и ушел... Взглянул я на свою постель, а на ней насекомых — видимо-невидимо. Что делать? Принялся вытряхивать их на дворе. «Ну, думаю, не придешь ты больше ко мне! С этого раза всегда келию на ключ запираю буду». Как сказал, так и сделал. Выхожу на другой день на послушание, а о. Паисий навстречу: «Пустите, душечка, переночевать»... Что делать? С великим смущением в душе даю ему ключ. Возвращаюсь после утрени домой и вижу: постель вся разбросана, а блаженный возле стола сидит и что-то бормочет. Злость меня разобрала. Ухватился я за матрац, чтобы на двор его выбросить, а о. Паисий как закричит: «Не смей бросать, гордец! Ложись спать, ни одна тебя более не укусит». И действительно так: стал я со свечой в руках постель осматривать — ни одного насекомого не видно. Все бесследно исчезли.

Воздержание о. Паисия также было изумительное. Пища и питье, как бы не составляли для него

необходимой потребности для поддержания жизни. Изнуренное тяжелыми подвигами, но сияющее чистотой души лицо его свидетельствовало о сугубом воздержании. И поистине он мог воскликнуть с пророком Давидом: *Быша слезы моя мне хлеб день и ночь* (Пс. 41, 4).

Когда же блаж. Паисий чувствовал потребность поддержать плоть пищей, то приходил в братскую трапезу и питался остатками от братского стола. При этом он все то, что давали ему, смешивал в общую гушу и, размешав хорошенько, кушал. Остальное же складывал в жестяную кружку или маленький горшочек, который часто носил при себе, или же в рукавицу и прятал «про запас» в никому не ведомое место, и потом, когда вся эта смесь делалась от времени настоящей отравой, блаж. Паисий, ничтоже сумняшеся, принимался ею «подкреплять» себя.

— Что вы делаете, о. Паисий! Ведь это отрава, смерть, — с брезгливостью предупреждали старца свидетели этой удручающей сцены.

Но блаженный невозмутимо отвечал:

— Отрава... Г! Хорошо вы, душечко, молодой... желудочек у вас крепкий... А я, душечко, старичок... Кашица то моя в горшочке перебродила, перегорела, — не станет теперь в животике переокисать... Облегчение, знаете ли, облегчение...

И как бы ничего не чувствуя, продолжал свое дело.

Когда блаж. Паисий заходил к кому-либо из братьев утром и хозяин келии в тайном восторге от такого посещения предлагал гостю стакан чаю, он никогда не отказывался и с важностью усаживался за

стол. Но действия, с которыми совершал он это «чаепитие», навсегда отбивали у хозяина охоту к дальнейшему приглашению, ибо он примешивал в свой чай все, что только попадало под руку — и грязную воду, и селедку, и прочие подобные снадобья.

Не побрезгуй, читатель, представляя себе эту необычайную картину трапезы и чаепития. Такие люди, как блаж. Паисий, необычайны. Они, по слову Спасителя, *еще и что смертное испиют, не вредит им* (Мк. 16, 18). Впрочем, быть может, и для блаженного Паисия эта необыкновенная пища и питье были так же сладки, как и князю Изяславу была сладка трапеза у преподобного Феодосия; ибо всякая пища *освящается словом Божиим и молитвой* (1 Тим. 4, 5).

Стужа, непогода, мороз и зной не представляли для о. Паисия никакого значения. С удивительным терпением переносил он в своем ветхом рубище и трескучие морозы, и палящие лучи знойного солнца, и проливные летние дожди. Иногда же зимой, в добавок еще и умышленно, он садился где-либо на кучу снега и обрасывался им кругом. Если же прохожие с удивлением останавливались поглазеть на это зрелище, блаж. Паисий, весело барахтаясь в снегу, шутливо приговаривал:

— Ишь ты, как хорошо! Как мягко! Совсем, как в перинах московских...

Были факты и изумительнее. Стоял месяц январь. На дворе был лютый мороз. Вьюга бушевала всю ночь и нанесла кругом Великой лаврской церкви высокие сугробы снега. Сторож этой церкви, монах Вениамин, делая по окончании утрени обход

церкви с целью указать богомольцам путь к гостинице, наткнулся позади церкви на какой-то темный, занесенный снегом предмет. Недоумевая что бы это было, о. Вениамин из любопытства тронул «предмет» ногой, «предмет» зашевелился. Оказалось, это стоял на коленях блаженный Паисий, до половины занесенный снегом, и втайне молился Богу.

— Боже мой! — вскрикнул о. Вениамин, — что вы здесь делаете? Ведь вы можете окоченеть...

А блаженный в ответ сердитым баритоном:

— Ступай-ка, братец, своей дорогой... Не мешай мне молиться...

И схватившись с места, удалился бегом в более укромный уголок.

Иногда ночью, в лютый мороз, видели о. Паисия молящимся на типографском дворе. Бурная вьюга пронизывала его до мозга костей, жестокий мороз беспощадно леденил его полубосые ноги, но блаженный как будто не чувствовал ничего этого.

Постигая мысленными очами бесконечное величие Божие и молитвенно беседуя со святыми Его Ангелами, — блаженный всем умом и чувствами незримо витал в сладостных видениях небесного, и земные страдания бледнели и исчезали перед ним, как исчезает воздушное облако под напором шумного ветра... Всем существом своим уносясь в горние обители, он с пламенным усердием в тайне умолял Бога о наших грехах. И только небесная луна, бледно освещавшая облик подвижника, была немой свидетельницей его молитвенных слез и вздыханий...

V

Так проходил день за днем. Умерщвляя плоть свою со страстями и похотьми, блаж. Паисий достиг высокого духовного совершенства. Всемогущий Господь, Которого избрал он своим прибежищем, охранял избранника Своего от всяких искушений и бед. И как бы велики ни были его страдания, они не причиняли ему жестокого зла, ибо *не постигнут бедствия и раны не отягчат тела тех, которые Бога избрали своим прибежищем* (Пс. 90, 9–10).

За такое добровольное мученичество Господь прославил блаженного старца даром прозорливости и благодатью исцелений. Не глядя даже в лицо человека, блаж. Паисий без труда угадывал мысли и думы каждого и, читая их, как в раскрытой книге, прозревал будущую судьбу.

Прозорливость — это высший дар, ниспосылаемый Богом. Человек, по падении прародителей, — слеп. Правда, он носит в себе чутье, что есть в мире нечто высшее, совершеннейшее и чистейшее, чем обыкновенный порядок мирских дел, но что именно, — того он не знает. Продолжая свои поиски в надежде на успех, человек молится к Богу: «Открой мне очи мои, да уразумею чудеса от закона Твоего»... И молитва его не напрасна. С того момента, как человек приступает к Богу и постом и молитвой соделывает себя достойным зреть славу Божию, — покрывало духовной слепоты его отнимается, и человек начинает ясно видеть все то, что представлялось его мысленному взору только гадательным. Духовные очи его незримо открываются, и человек

начинает постигать весь духовный мир... О, какое бесконечное блаженство даруется этим прозрением! Оно подобно тому, когда человек исходит из тьмы на свет. Оно подобно той благодати, какую испытали очи апостолов на горе Фавор. Ибо у кого открыты телесные глаза, тот видит только окружающие его предметы. У кого же открыты духовные очи, тот видит, как в зеркале, душу и мысли каждого человека и может лицезреть Самого Бога и чувствовать духом святую волю Его...

Получив от Бога сей великий дар, блаж. Паисий старался утаить его от людей, скрывая высоту добродетельной жизни своей под покровом мнимого юродства. Но сколько ни избегал он славы мирской, как ни прикрывался личиной мнимого буйства и безумия, — десница Божия высоко возвеличила его. Слава о чистоте праведной жизни Паисия, о неподражаемом терпении и прозорливости его далеко разнеслась за пределы Киева. Народ толпами бежал за ним и следил за каждым движением в надежде услышать от него мудрый совет, притчу или наставление...

Но блаженный по смирению не любил этого. И если был лишен возможности укрыться от преследования любопытных, то сердито оборачиваясь к ним, громко досадуя, протестовал:

— Что это вы? На театр пришли смотреть, что ли?

Но так случалось не всегда. Ибо иной раз он и сам появлялся на торжища и многолюдные собрания и назидал и вразумлял многих притчами. Не гнушался блаж. Паисий заходить и в порочные дома, где под покровом Христа ради юродства обличал люд-

ское нечестие и приводил на путь спасения самых огрубевших грешников.

Святая душа его, прозревая глубину испорченного человеческого сердца, *в нем же гади, им же несть числа*, сокрушалась и болела о погибели ближнего. Подражая сострадательности праведного Иова, который *о всяком немощнем плакался*, и видя в беззакониях людей оскорбление величия и благодати Божией, блаж. Паисий был для всех как «всесветлая звезда, сиявшая во тьме и световодившая всех к жизни вечной».

О несомненном даре прозорливости блаженного старца свидетельствуют, между прочим, и следующие случаи.

Посылает одна больная генеральша своего мужа в Лавру и просит его при встрече с о. Паисием передать ему просфорочку. «Ну где я там твоего Паисия буду по Лавре искать! Да и какой он?» — с неохотой отвечает генерал. «Да уверяю тебя, — увидишь. Ты только просфорочку захвати». Проходит генерал святыми воротами, а о. Паисий к нему: «Здравствуйте, душечко, здравствуйте! И просфорочку от больной принесли!»

Стоял блаженный в церкви Больничного монастыря и, опускаясь на колени для молитвы, клал под себя железную палку, выстаивая на ней по целому часу. Молившийся рядом с ним иеромонах Михаил Тростянский подумал: «И зачем этот святой так жестоко мучит себя?» А блаж. Паисий, подымаясь с колен и замахиваясь на него палкой, кричит: «Какой я святой, смотри, а то палкой так и трахну!»

В книжной лавке целая толпа людей. Между ними стоит высокий, черный купец и выбирает душепо-

лезные книги. О. Паисий вбегает в лавку и кричит купцу: «Ага, зарезыка, приехал, зарезыка! Целую реку крови с живых выпускать едешь». Присутствующие смутились. Но оказалось, что это был скотопромышленник, закупивший в Киеве партию скота и отправляющийся домой, чтобы перепродать его на убой.

Проходил по Лавре местный участковый городской Н и, заслышав невдалеке грозный, обличительный голос о. Паисия, подумал: «Опять этот шарлатан обманывает народ». Но только он это подумал, глядь, о. Паисий нагоняет его. Городовой, из вежливости приветствует его, а блаженный сердито в ответ: «Кому, крючок, кланяешься? Шарлатану, обманщику разве кланяются?»

Стоит около ворот большого дома молодая еврейка и, заинтересовавшись тем, что блаж. Паисий проходит по улице и окруженный толпой уличных мальчишек юродствует, — заливается смехом. А блаженный подбегает к ней и, замахиваясь палкой, кричит: «Ага, смеешься, жидовка? Смеешься, беспаспортная? Вот тебя завтра по этапу из Киева вышлют»... Как сказал, так и случилось. Еврейка действительно была беспаспортная, сбежала от мужа из Бердичева в Киев, и на другой день была препровождена по месту жительства этапным порядком.

Достраивали в деревне Мышеловке дом... С работой спешили... Шла суета... Пробегают мимо того места блаженный и под мышкой грязную рубашу несет. Увидел его один из рабочих и спрашивает: «Куда, преподобный, бежишь? Подожди...» — «Некогда, душко... Рубашечку надо помыть. Через полчаса пригодится...» Прошло полчаса. Этот же

самый рабочий, от неосторожности упал с лесов и разбился насмерть. А блаж. Паисий возвращаясь назад и держа в зубах чистую сорочку, говорит: «Оденьте мертвеца, душечко. Это я для него рубашечку помыл».

Пришел старик-крестьянин с дочерью в Киев на богомолье. Дочь его, очарованная «красотами» монастырской жизни, дала в сердце своем обет поступить в монастырь. Внутреннее состояние души отразилось и на внешнем образе жизни: появилось черное платье, четочки в руках. С течением времени мысль эта под натиском мирской суеты и развлечения молодости испарилась и замерла. Через три года девушка снова прибыла с отцом в Киево-Печерскую Лавру. Четок в руках уже не было, и траурный цвет платья сменился пестрым нарядом. О. Паисий встречает их на Дальних пещерах и, хотя видит их в первый раз, обращается к дочери со строгим укором: «А четочки твои где? Потеряла, окаянная?! Сгубила, блудница несчастная! Забросила, овца заблудшая! Марш в монастырь скорей! Там твое место!» Пораженная таким обличением и угрызением совести, девушка снова вернулась к своим мечтам и поступила в монастырь.

Идет с докладом к наместнику правитель дел канцелярии Духовного собора Лавры иеромонах И-кий и, проходя мимо церкви, думает: «Экий я нехороший стал... И Псалтырь не читаю... Совсем рассеянно живу». А блаж. Паисий, стоя в толпе богомольцев, кричит ему: «Экий я нехороший стал... Недаром Софья Сергеевна³ говорит: Паисий! Ты за-

³ Сестра известного публициста Аксакова, девица праведной жизни. Погребена на Дальних пещерах Лавры.

чем Псалтирку читать перестал?» И поклонившись о. И-кию скрылся.

Крестьянин А-кой губернии Н., угнетаемый деспотизмом отца и притесняемый злобой мачехи, ушел навсегда из родительского дома и начал странствовать. Расхаживая по монастырям, он любил хорошо поесть, отчего сумочка его была набита сластями и всяким добром. Встречает его в Лавре о. Паисий и, как бы укоряя странника за излишество, говорит: «Эх! Странничать по миру хочу, а за еду дневную дорого плачу. И чайку у меня много и белья немало припас, — есть чем повеселиться в горестный час...» Все до капельки перечислил, что у странника в сумочке лежало. И, конечно, навел того на благую мысль — раздать свои припасы убогим да нищим.

Проживала в Китаево больная ногами богобоязненная старушка С. Однажды ноги у нее разболелись до того, что С. не могла собраться в церковь, но, пересилив, однако, болезнь, она с трудом все-таки поплелась в монастырь. «Пойду, — думает, — помолюсь. Хоть до Херувимской, а постою». А блаж. Паисий, провидя ее приближение к церкви, услужливо отворяет старушке дверь и говорит: «Пожалуйте, душечка, пожалуйста... Хоть до Херувимской постоим с вами».

Ехали из под Киева два мужичка в уездный город на ярмарку. Встречает их по дороге блаженный, бросает им на воз куски нарезанного хлеба и просит: «Отвезите, душечки, мой хлебец в Киев». — «Да нам не туда, батюшка», — отвечают мужички. — «Как не туда? Вам непременно в Киев надо». Мужички рас-

смеялись и поехали дальше. Но проехав верст пять, почувствовали внезапный припадок холеры. Со стоном погнали они лошадей в Киев, были отправлены городовым в лечебницу, и там скончались.

Крестьянка Стефанида Р., пришедши в церковь, хотела поставить свечу. Полезла в карман, а денег нет: дома, значит, забыла. Вдруг, видит, блаж. Паисий к ней приближается и свечу в руках несет: «На тебе, душечко, Богу поставь. Да в другой раз без денег в церковь не смей приходить».

Стоит в церкви на литургии клирошанин и поет. Подходит блаженный и говорит: «Душечко, — скоро ночь». Вскоре послушник ослеп.

Крестьянин N-ской губернии N, по рождению старообрядец, рассказывает: «Был у меня старик-отец, да пошел однажды в гумно и с горя повесился. Долго меня тоска заедала, и решил я, наконец, в Киев на богомолье собраться. Авось, думаю, ихний (православный) Бог душу мою успокоит. По всем церквам ходил, всюду на запись покойничка подавал — нигде не принимают. Досада меня разобрала. Стою я в Лаврской церкви и, глядя на чудотворный образ, горько плачу: «Прости, Господи, вину окаянного отца моего». Глядь, кто-то меня за шиворот сзади толкает и давай трясти: «Ты зачем, — говорит, — молишься? Зачем плачешь? Мой Бог молитвы за самоубийцу не принимает»... Оглянулся я назад, вижу: какой-то старичок стоит и голова рушничком повязана. Я за ним... Он от меня... Заперся в камерке экономских ворот и не отпирает. Стал я вратаря о том умолять. А блаженный из камерки кричит: «Нельзя меня старообрядцу видеть! Занят!

Не могу! Болен! Вши едят!» Так меня, горемыку, и не принял».

Стоит в церкви молодая вдова, мещанка Б., и думает: «Постою до «Верую», да и домой надо бежать... Дома младенца сонного в колыбели оставила». Но лишь только тронулась после «Верую» с места, подбежал о. Паисий и наступил ей на подол: «Стой, душечко, не торопись... Младенец твой еще спит». Изумленная женщина осталась до конца службы. Когда же возвратилась домой, младенец ее продолжал еще спать безмятежным сном.

Генерал-лейтенант Р. проездом через Киев в Варшаву остановился в городе, чтобы осмотреть его достопримечательности. Будучи человеком безбожным и неверующим, генерал Р., подобно всем атеистам, никогда не исповедовался и не осенял себя крестным знамением. Посему и киевские святыни не произвели на душу его должного впечатления. Очутившись мимоходом в Великой лаврской церкви, генерал стоял в ней без всякого молитвенного настроения, оглядывая по сторонам стенную живопись и отыскивая глазами предметы, могущие удовлетворить его археологическую любознательность. Но вот подходит к нему о. Паисий, берет за рукав и приводит к солее.

— Душко! — говорит он, указывая рукой на чудотворную икону Успения Божией Матери, — это у нас самая редкая, древняя, дорогая святыня. Ее, душко, ни за какие миллионы купить нельзя.

Генерал, увидев перед собой оборванного старца и предполагая, что это какой-нибудь бездомный нищий, с брезгливостью подает о. Паисию серебря-

ную монету и пятится назад. Но блаженный, отвергая подавание, идет приступом на генерала и, ударяя себя кулаком в грудь, кричит:

— Я, душко, генерал-лейтенант! Имею жену и двух сыновей... Жена и дети верующие, а я нет... Подлый я, душко, человек... У меня, окаянного, седина уже, плешь, а я еще и в Бога не верую... Погибель душе моей... Смерть... Кто отрекается Бога, того и Бог отречется на Страшном Суде... «Не вем, — скажет, — вас. Отъидите!» Но сегодня, душко, конец мне... Конец моему неверию! Стоит мне отыскать о. Осию на пещерах, и он убедит меня. Да-с, убедит.

Сконфуженный генерал не находит слов к возражению и чтобы поскорее отделаться от этого, спешит к выходу. Но проходя мимо свечного ящика, обращается к монаху-записчику с вопросом:

— Что это у вас за старик? Из больших чинов?

— Какое там... Нет. Это наш инок... Юродивый о. Паисий...

— Что же он такое бормочет? Пьян, что ли?

— О нет. Это человек, посвятивший себя Богу, обрекший плоть свою на нужды и лишения. Словом, подвижник-монах, стяжавший себе от Бога дар прозорливости...

— Монах? Да как же он говорит, что он — генерал-лейтенант... Имеет жену и двух сыновей...

— А вы, ваше превосходительство, генерал-лейтенант?

— Да, генерал-лейтенант.

— И вероятно женаты?

— Женат. Имею жену и двух сыновей.

— О, в таком случае блаж. Паисий ваше семейное положение и отгадал. Он, видите ли, всегда так... Когда захочет разоблачить мысли и поступки людей, всегда прозорливость свою скрывает, переводя все как бы на себя самого. Поэтому и понять его бывает трудно.

— Ага, — многозначительно протянул генерал. — А есть у вас какой-нибудь монах Осия?

— Да, есть. Это духовник Дальних пещер. Человек строгой жизни и большого духовного опыта.

Генерал глубоко призадумался. Пробудившаяся совесть, как потревоженная змея, проснулась и искала выхода. Она грызла его, точила в самое сердце, искала выхода наружу, но клапан упорных сомнений удерживал ее внезапное пробуждение. Наконец, генерал одумался:

— Поищите его. Найдите мне этого старца, — глухо сказал он.

Но о. Паисия и след простыл. С помутившимся взором вышел атеист-генерал из церкви и отправился в Дальние пещеры, чтобы разыскать там старца Осию. Вдохновленный разумной беседой этого духовника, очистив свое неверие исповедью, глубоким раскаянием и молитвой, генерал, отвергавший всю жизнь свое существование Бога, уехал домой новым, верующим человеком, с обновленной душой и святыми чувствами.

И часто после того, не имея возможности бывать в Лавре, присылал на имя своего духовника деньги для передачи блаженному Паисию, а старец Паисий, получивши эти деньги от о. Осии, раздавал беднякам, строго наказывая им молиться за спасение души щедрого жертвователя генерала Р.

Так благоизволил Бог буйством проповеди спасти верующих (1 Кор. 1, 18–21).

VI

Общая черта жизни Христа ради юродивых, — желание послужить спасению ближних. В житии блаженного Максима и других сказано, что они «самых себя отдали на спасение людей». То же самое видим и в жизни блаженного инок Паисия. Не в пустыню или другие, свободные от мирской суеты места удалился он для спасения своей души, а избрал местом своих постоянных подвигов многолюдный Киев. Киев — эту колыбель святой Руси, в которую для поклонения отечественным святыням стекается масса народу. Киев — в котором изобилуют и преступления, и безверие. Но любовь старца Паисия ко всем одинакова. Были моменты, когда он готов был обнять любовью и радостью весь мир. И тогда, поистине, он был самым ревностным исполнителем высочайшего закона человеколюбия: *Больше сия любви никто же имеет, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15, 13). Но все эти добрые дела о. Паисий прикрывал юродством.

Днем он скитался по городу, но не опускал и служб церковных. Для него храм Божий сделался как бы центральным местом в великом служении ближнему. Особенно любил он молиться в Великой лаврской церкви.

Здесь он не стоял без дела, но переходя с места на место и повторяя про себя читаемое или поемое в церкви, одних изобличал в нерадивом стоянии в

храме Божиим, других побуждал к молитве, третьих вразумлял словом, а иногда грозил и палкой. Иногда же, с криком: «Эх ты, нечистая, пришла уже братию соблазнять!» — гонялся с палкой около стен за невидимыми духами и, как бы показывая вид, что выгоняет их на двор, сердито затворял церковную дверь. Изредка становился он и на солее и, принимая от народа свечи, ставил их перед образами с обычными причудами юродства. Иногда же становился где-либо в укромном месте около стены и с юношеским проворством и гибкостью принимался бить бесчисленные поклоны. Причем совершал это весьма оригинально: опускаясь, например, на пол, он сильно отталкивался от стены плечами, а поднимаясь с колен, со всего размаху ударялся спиной о стену, так что многие из стоящих рядом, не перенося подобного приема самобичевания, отворачивались и уходили в сторону. Но блаж. Паисий, заметив это брезгливое неудовольствие и как бы желая напомнить им о ежеминутно возможной для человека смерти, складывал на грудь руки, закрывал глаза, как мертвец, и со всего размаху опрокидывался навзничь, так что нередко из ударившейся о пол головы его сочилась кровь, а сам он лежал без памяти, не шевелясь. Испуганные богомольцы, предполагая, что с ним случился припадок или внезапная смерть, целой толпой кидались к нему на помощь. Но едва только они прикасались к нему, он мгновенно вскакивал на ноги и энергично протискиваясь сквозь толпу, выбегал на двор или же переходил в другое укромное место в храме.

Слово Божие для человека — это насущный хлеб, питающий дух для возрастания в доброй жиз-

ни. *Внемли чтению... и учению и пребывай в них: сия бо творя и сам спасешия и слушающие тебя* (1 Тим. 4, 13, 16). Эту истину особенно давал чувствовать людям блаж. Паисий. Заметив, что кто-либо стоит в церкви рассеянно и вместо сосредоточенной молитвы блуждает мыслями «семо и овамо», к такому блаженный старец, подойдя незаметно, обращался с внезапным вопросом:

— Душечко! А что это читают сейчас? Ухо проклятое какое. Застудил, что ли? Ничего не слышу.

Виновный стоял потупившись и не мог дать утвердительного ответа. Если же отвечал, то невпопад. На это о. Паисий низко кланялся и шутливо благодарил:

— Спаси Господи, душечко. Это я так себе... По рассеянности...

Изредка блаженный садился возле гроба преподобного Феодосия на ступеньках и, никем не замечаемый в этом полутемном месте, зорко наблюдал за приходящими в церковь. И горе тому, кого замечал блаженный входящим в храм или подходящим ко гробу небрежно, рассеянно или надменно. Таких блаж. Паисий обличал нещадно и не допускал до поклонения гробу. В особенности не любил он напыщенных, расфранченных дам, отдающих лучшую часть дня на праздную заботу о своих нарядах. Этих блаженный встречал с большим негодованием.

— Здравствуйте! — укоризненно произносил он. — Ишь ты, немецким мылом вымазались! Щечки отштукатурили! Духами прелюбодеяния обрызгались! А все для чего? — Меня, старичка, соблазнять.

Поэтому многие из горожан, посещая Великую церковь и завидя старца, искусно прятались от него. Но прозорливый подвижник все же находил их и обличал.

Все мы, современные люди, с гордостью называем себя христианами. Но какова жизнь наша? О чем забота? Знаем ли мы свою веру и христианские обряды? Нисколько. Что у нас читают в домах? Пустые, бесполезные, соблазнительные, развращающие нравы книги. А Священное Писание где? О, это чтение скучное, тяжелое! А что поют в домах? — Чувственные, греховные, мирские песни. А песни церковные, божественные? — О, их певали только встарь наши деды и прадеды! На что же обращены наши заботы и хлопоты? По преимуществу на одни только земные, житейские нужды. *Вси своих си ищут, а не яже Христа Иисуса* (Флп. 2, 21) А где же христианская непорочность, усердие, любовь, милосердие, чистота? Увы! — Это знакомо нам лишь понаслышке. Итак, что же осталось у нас христианского? — Во многих одно только название — христианин. Да, поистине современные христиане в большинстве только по имени христиане. И горе, горе нам будет на Страшном Суде Христовом за нашу беспечность! Но обратимся к повести о старце.

От ворот лаврской гостиницы к пещерам ведет широкая дорога, называемая «батарейкой». С раннего утра и до самого вечера полна она разного рода странниками, нищими, калеками и убогими. Стоя в ряд с протянутой рукой, разношерстная толпа этих несчастных назойливо оглашает пространство своими заунывными причитаниями и взываниями к состраданию проходящих.

Для них блаж. Паисий был поистине благодетелем, ибо он очень часто оделял их деньгами, получаемыми на молитвы от щедродательных почитателей. Умилительно было смотреть, с какой детской привязанностью эти нищие окружали появляющегося среди них старца. Они сбегались к нему со всех сторон и слушались малейшего движения его руки. Но блаженный, недовольный такой привязанностью, притворно старался показаться строгим и грубым и, разгоняя от себя толпу нищих во все стороны, сердито на них покрикивал:

— Разойдитесь прочь! Ишь вы, обступили, окаянные...

Нищие разбегались. А блаж. Паисий, замахиваясь на них палкой и показывая вид, что за ними гонится, незаметно совал в руки каждому монету или же просто бросал монеты им вслед.

Иногда он приводил их гурьбой к лаврской бакалейной лавке и здесь покупал для них что-либо из съестного. Но случалось и так, что и сам становился в ряду калек и убогих и если кто-либо из прохожих подавал ему монету, тут же отдавал ее нищим.

Блаженный, сам памятуя, что милостыня очищает от греха (Сир. 3, 30) и избавляет от смерти (Тов. 12, 9), и других наставлял в том же.

«Приходит однажды о. Паисий ко мне на квартиру, — так рассказывает проживающий в Киеве племянник о. Паисия А. Г. Яроцкий. — Это было в 1865 году, когда я холостым был еще. Приходит и говорит, что «обносился, одеться не во что. И в доказательство своих слов отвернул полы свитки. Глянул я и ужаснулся: на дяде не было ни рубахи,

ни кальсон. Поспешно вынул я из комода две пары новенького белья и с сочувствием передаю ему. Потом я немедленно ушел из дому по делам. Вижу и о. Паисий за мной идет. «Ах, дядя, нам неудобно идти вместе. Мне стыдно с вами. Вы, как нищий какой». — «Ничего, ничего, душечко, — отвечает о. Паисий, — полюби нас черненькими, а беленькими всякий полюбит». Делать нечего, — вышли вместе. Прошли улицу, другую. Встречается по дороге нищий. О. Паисий к нему: «На сорочечку». Прошли еще улицу, — встречается другой: «На кальсончики». — «Э, дядя, — говорю, — зачем же вы так? Если бы знал, не дарил бы вам. Ведь все равно нищий пропьет». — «Не горюй, душечко, не горюй, — у меня еще парочка есть». Но едва промолвил он это, глядь, — третий бедняк навстречу идет. Увидев, что я с о. Паисием иду, он подумал, что нищелюбец какой, да прямо ко мне: «Дайте, барин, копеечку». А о. Паисий, не говоря ни слова, вынимает последнюю пару, да и сует бедняку за пазуху. «Нельзя так, дядя! Пойдите! Что вы?!» — кричу я. А о. Паисий мне в ответ: «От хлеба твоего даждь алчущему, и от одеяний твоих — нагим». И пошел от меня другой дорогой».

Предвидя надвигающееся на человека несчастье, блаж. Паисий всегда старался прийти к нему на помощь, заблаговременно натолкнуть его на мысль, или в случае беды незаметно оказать поддержку. В многочисленных церквах Киева весной, когда бывает большой наплыв богомольцев, случаются частые карманные кражи. Несмотря на особенную бдительность полиции и на меры, предпринимаемые со сто-

роны монастырского начальства, требуется большое к себе внимание, чтобы в момент выхода из церкви и происходящей тут давки, уберечься от непрошенной руки ловких карманщиков. Таких случайных жертв ловкой воровской проделки блаж. Паисий всегда предупреждал притчами.

Выходит из Великой Лаврской церкви игуменя Н-ского монастыря в сопровождении своей келейницы. Встречает их о. Паисий и подает послушнице 20 копеек.

— Отдай, душко, своей матушке. На обед пригодится.

Келейница исполняет поручение, но мать игуменя укоряет ее за своеволие:

— Сдурела, что ли? Зачем от нищего берешь? Не брать, а подавать мы должны.

— Матушка, да он насильно мне навязался.

— Выдумаешь, тоже... Насильно... Отдай ему сейчас взамен 20 — 50 копеек. Пусть Господу Богу помолится.

Сунулась щедролубивая матушка в карман, да во весь голос и ахнула. Воры не только денежки вынули, но и карманы целиком вырезали. Волей-неволей пришлось на дорогу у о. наместника Лавры занимать. А 20 копеек действительно на обед пригодились.

То же самое и в другой раз было. Вынули у старенького мужичка кошелек с деньгами. А ехать до дому далеко было: в самую Томскую губернию. Стал старик по Лавре ходить, да у добрых людей на дороге вымаливать. Собрал необходимую сумму, а 15 копеек не достает. У многих он монетку эту выпра-

шивал, но тщетно: никто не дал. Глядь, навстречу оборванный старик идет и что-то в тряпочку заворачивает. Поравнялся и сует ему в руку:

— На, душко... Изволь... Как раз на дорогу тебе достанет.

Развернул мужичок сверточек, видит 15 копеек лежит. «Кто это такой, что нужду мою так чудесно узнал?» Стал он людей о том расспрашивать. Тут ему и поведали, какой это великий раб Божий на помощь ему явился.

Но не всегда блаж. Паисий был таков. Когда являлась потребность решительным словом образумить человека или жестоким, остающимся в памяти на всю жизнь обличением искоренить в душе беззаконника зародившийся грех, — тогда он принимал на себя строгий вид, казался исступленным, мрачным, суровым или вовсе лишенным смысла и рассудка.

Проходит однажды женщина через св. ворота Лавры. На руках ее покоится ребенок. О. Паисий к ней:

— Ты кого несешь? Ребенка? Бесенка? Дьяволенка? Давай его сюда! Бей о кирпичи, об стену, о камень... Бей!

И выхватив младенца из рук обезумевшей матери, замахивается и грозит разбить его на смерть. Прохожие насильно отнимают младенца и возвращают в руки матери. Оказалось, что ребенок прижит без венца, во грехе. И блаженный, предвидя его будущую жизнь, захотел показать его злую судьбу. Ибо, спустя 18 лет, эта же мать многим в Лавре с плачем рассказывала, что ее сын, которого так отлучил блаженный старец в младенчестве, не был

для нее утехой в старости, а сделался злодеем и попал в тюрьму.

Приходит блаженный к духовнику Дальних пещер иеросхимонаху Вассиану и приветствует:

— Здравствуйте, душечко. Как поживаете?

— Вашими святыми молитвами, о. Паисий. Чем служить могу?

— Да вот нужную вещичку для вас принес.

Нагнулся и достает из-за голенища длинный, поварский нож.

— Не смущайтесь, душечко. Это я вам.

— Ах, что вы? Зачем он мне? Не надо, — испуганно отмахивается о. Вассиан.

— Что такое?! Не надо?! Нет-с, надо, надо, — искусственно строгим голосом отвечает блаженный. — Кровь выпускать! Понимаете ли, кровь выпускать!

На другой день утром возвращается о. Вассиан из церкви и чувствует, что у него кружится голова. Ухватился рукой за стул, но не выдержал и в беспомощности грохнулся на пол. Призвали докторов, пустили в ход медицинские средства, но тщетно: о. Вассиан скоропостижно скончался от апоплексического удара.

А то приходит, однажды, блаженный в лаврскую гостиницу и просится на ночлег. Был май месяц. Богомольцев в Лавре было много, свободных мест не оказалось нигде. Но из уважения к блаженному поместили его в одном номере с приезжим господином. Господин, увидев перед собой оборванного инока, отчаянно запротестовал. Но о. Паисий едва взглянул своему соседу в глаза, как возмутился духом, схватил нож и с криком: «За-

режу!» — бросился на него. Испуганный «барин» давай Бог ноги. О. Паисий за ним. Собралась толпа народа, вдали показался городской. Но едва «барин» заметил полицию, как стремительно сел на извозчика и ускакал. Вскоре обнаружилось, что поспешно скрывшийся «барин» — отчаянный преступник, совершивший незадолго до того зверское убийство с грабежом и тщательно скрывавший следы своего преступления.

Отчего же, спросит читатель, блаженный не уличил преступника открыто? А потому, что у преступника было еще другое судилище — совесть. От суда человеческого преступник мог убежать, но от суда своей совести — никогда. Совесть — чудесный врач для потерянной души. Она может возбудить память о Боге, и отсюда может начаться поворот жизни с пути порока на путь добродетели. И сколько было на свете великих грешников, которые, вспомнив о Боге, чувствовали внезапное омерзение к грехам и, обратившись на путь истины, сделались даже святыми!

Такова психология всякой души.

Душа наша, от Бога исшедшая, в одном Боге видит свое благо и к Нему всецело стремится. Но, отягощая душу земными привязанностями и погружая ее в тину житейских забот, мы не слышим тихого голоса нашей души, воздыхающей о небесном блаженстве. От колыбели до могилы мы все стремимся, спешим куда-то. Различные блага все дальше и дальше манят нас. Мы гоняемся за ними, достигаем их, но скоро они перестают удовлетворять нас. На смену им приходят новые желания, новые блага и

снова влекут нас в погоню за собой. И опять разочарование, опять новые поиски за новым, бóльшим благом... И так продолжается без конца.

Но счастлив тот человек, который в поисках блага имел одну цель — достижение сокровищ небесных. И если его не отклонят от этого никакие прелести на земном пути, если он не станет считать постоянный земной двор местом своей постоянной жизни, — он найдет на небе блаженный покой от всех своих трудов и печалей земных.

VII

Настроение духа о. Паисия было разное. Иногда он удалялся в уединение, и молясь там по любви человеческой за падший род Адамов, втайне проливал слезы. Иногда же, как упившийся от вина, веселился, упоенный духом, и торжествовал. Но питием ему служили божественные и духовные тайны, а торжество его было — торжество победы над злом и дьяволом. И в эти минуты духовного воодушевления он наполнялся таким восторгом и любовью, что готов был отдать себя на все, лишь бы только это послужило ко спасению ближних.

Однако и теперь не все еще понимали истинное значение подвигов блаженного. Были и такие, которые: *видяще не видели и слышаще не уразумевали, окамене бо сердце их*. Само собой понятно, что подобные недалёковидные люди чуждались и презирали этого мнимо полоумного скитальца и сердито гнали его от себя прочь. Одни смотрели на блаженного, как на праздношатающегося человека, облеченного

в иноческую одежду. Другие — брезгливо морщились и отворачивались от него по причине внешней нечистоплотности. Третьи — смеялись над ним. Но были и такие, которые беспощадно издевались и даже били его. А блаж. Паисий терпеливо все переносил и смиренно отвечал всем: *«За словеса уст моих аз сохраних пути жестоки»* (Пс. 16, 4).

Пришел один инок к другому и с возмущением начал его укорять: зачем-де такого грязного старца, как о. Паисий, к себе на ночлег принимаешь? А блаженный встречает гордеца на дворе, останавливает его и говорит:

— На, душечко, нож, зарежь меня. Успокой сердце.

Проходила по Лавре интеллигентная женщина. Встречает ее блаженный старец и начинает обличать. Женщина, не вынеся обличения о. Паисия, плюнула ему в лицо.

— Плюй, душечко, плюй. Паисий-то утрется, — сказал на это блаженный.

И утершись рукавом, принялся еще более обличать ее. Женщина вышла из терпения и начала бить блаженного. О. Паисий не отбивался, но стоя неподвижно, невозмутимо повторял:

— Бей, бей, душечко. Дочь твоя, дочь твоя за меня отомстит.

И что же случилось? Дочь этой женщины, вышедши замуж, по рассказам самой женщины, попрекая ее даровым хлебом, жестоко издевается над ней.

Да, много великих скорбей, напастей, осмеяний и побоев перенес этот мнимо безумный старец от неразумных людей. Перенес с великим терпением

ем, покрывая жестокости людские своей любовью и смирением и втайне молясь Богу за своих оскорбителей. И какой радостью ликовал всегда старец, когда случалось претерпевать ему эти пытки вольного унижения и переносить тяжесть незаслуженных обид и страданий!

Желая иногда под покровом юродства совершенно скрыть свою прозорливость и прикрываясь личиной мнимого безумия, блаженный в действиях своих показывался смешным.

Стоит в церкви барыня с дочерью. Мать нарядная, дочь еще наряднее. У маменьки лицо раскрашено. Дочка тоже от маменьки не отстала: еще пуще раскрасилась. Стоят обе и красуются собой. А о. Паисий незаметно подошел к ним спереди и пытливо засматривает в глаза. Дамы взглянулись и улыбаются. А о. Паисий, сняв с головы свою повязку и хорошенько поплевав на нее, начинает этой слизью натирать свое лицо. Стоявшие вблизи люди неудержимо хохочут втихомолку. А сконфуженные модницы, поняв в чем дело, удирают скорее из церкви.

Бедные модницы! Не лучше ли было послушаться вам назидания апостола: женщины! *Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек, в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Пет. 3, 3–4), и не приходить в храм Божий раскрашенными на соблазн другим.

Приходит блаж. Паисий зимой к келии старшего записчика Великой лаврской церкви иеромонаха Иннокентия и начинает барахтаться в снегу. Выходит о. Иннокентий из келии и улыбаясь говорит:

— Вставайте, о. Паисий. Что вы тут делаете?

— Не могу, душечко. Надо в постельке полежать. Повалиться в постельке, душечко, надо.

У о. Иннокентия были болезненные отеки ног и от этого показались на теле раны. Приглашенный врач посыпал раны порошком, но так неудачно, что на другой день ноги опухли и образовалась рожа. Кожа на ногах послезала, и о. Иннокентий волея-неволей вынужден был долгое время повалиться в постели, пока излечился от опасной болезни.

Заходит блаженный в келию к монаху N и садится за стол. Инок, желая получше угостить дорогого гостя, засуетился и приготовил селедку. А о. Паисий вскочил из-за стола и давай на одной ноге по келии прыгать:

— Ой, болит! Живот болит! Моченьки моей нет! Хоть ложись да умирай!

Хозяин келии принялся успокаивать старца. Но он еще громче начал стонать и с тем убежал на двор.

Прошло несколько часов. Инок, поевши приготовленной селедки, отправился в церковь на все-нощную, но по возвращении почувствовал такую страшную боль в животе, что действительно принялся бегать по келии. Насилу, бедняга, до больницы доплелся.

Подобясь иногда безрассудству самых падших людей, блаженный Паисий допускал подчас неблагоприятные слова и поступки. Особенно делал он это тогда, когда нужно было обличить живущих позорной жизнью женщин и девиц.

Подходит однажды ко гробу преподобного Феодосия молодая дама. А блаж. Паисий, не допуская

ее до поклонения святыне, давай палкой в живот толкать.

— Ишь ты... В Иерусалим ездила... Гречонка с собой привезла!

То же самое видим мы и в сказании о блаж. Николае Кочанове, в котором говорится: «Глаголаше тамо (в Новгороде) словеса неуместные, обаче неким предстоящим весьма учительная и полезная: являше иногда движения странная, обаче ни единому соблазн дающая, паче же многих вразумляющая».

Выслушивая подобные обличения старца, не всякий мог сразу понять приточный их смысл. А потому тех, кто казался особенно непонятлив, блаженный наставлял просто, ясно и понятно.

Стоит в церкви лавочник-монах N, а блаженный подошел к нему и бормочет про себя:

— Эх, душко. В келию бы надо заглянуть, не обокрал бы кто.

Монах не обратил на это внимание. Через минут пять блаженный подходит вторично и повторяет то же самое. Но и на этот раз N не придал его словам значения. Тогда о. Паисий подходит к нему в третий раз и говорит прямо:

— Не торопись, душечко. Воришки все уже унесли.

Прибегает N домой и действительно находит келию отворенной и все забранным ворами.

Проживала в д. Мышеловка бедная старушка. Хатка у нее была маленькая, убогая. Кормилась она тем, что на продажу бублики пекла. Молится однажды старушка в церкви, а блаженный подошел и толкает ее в бок.

— Да поверьте, душечко, — загорелось... Горит!

Старушка на такую бесцеремонность обиделась, но вспомнив, что это не спроста, — спохватилась бежать домой. Прибежала, а хатка ее вся в пламени. Насилу добрые люди отстояли кое-что.

Да, справедливо говорит пословица: «Без Бога — ни до порога». И действительно, что мы, немощные, можем сделать без помощи Небесного Творца? Он даровал нам дыхание и жизнь. Он промышляет о всем, что нужно нам в жизни и ведет нас ко спасению. *Аще не Господь созидает дом, все трудятся зиждущие* (Пс. 126, 1).

Посему и блаж. Паисий, как многопопечительная мать, следящая за каждым шагом своего малолетнего дитяти, делал нам предостережения, врачумления и наставления во время благопотребно.

И был он среди нас, *яко пророк, и слово его, яко свеща горяще* (Сир. 48, 1).

VIII

Слава о духовных подвигах и прозорливости блаж. Паисия прошла повсюду. Не только одни киевляне пользовались его наставлениями и поучались от него правилам христианской жизни, но приезжали люди и издалека, чтобы хоть посмотреть на этого дивного мужа. Обозреть киевские святыни, поклониться нетленным мощам святых угодников Печерских, но не видеть в Лавре о. Паисия считалось великим упущением. Наоборот, кто имел счастье услышать от него какую-нибудь притчу или наставление, тот уезжал домой с радостным сердцем и с сознанием великого

счастья, что и он, грешный человек, сподобился лицезреть истинного избранника Божия.

Душа неиспорченного человека должна стремиться к нравственному усовершенствованию. Как луч украшается цветами, так и душа должна украшаться добродетелями. Как садовые деревья приносят многообразные плоды, так и душа человеческая должна приносить плоды веры и добрых дел. Стало быть, у кого душа еще не совсем поглощена житейскими заботами, тот должен чувствовать в ней великую жажду спасения. Но душе человеческой свойственна свобода, а она, наоборот, чувствует на себе связующие узы и оковы. Хочет человек благодетельствовать, но своекорыстие удерживает руку. Хочет простить, но оскорбленная гордость возбуждает к отмщению. Хочет радоваться счастьем другого, но зависть погашает радость. И чтобы разорвать поскорее эти связующие цепи, ум человеческий ищет света ведения и старается во что бы то ни стало найти его. Это называется исканием правды. И человек, посвятивший себя на это искание, делается неузнаваем. Он усердно посещает храм Божий; любит беседовать о духовных предметах; углубляет в сердце ум свой; совершенствуется в добродетелях, сострадании и благотворительности и любит посещать святые обители для удовлетворения своей духовной потребности через назидание опытных старцев, каковым был и блаженный старец Паисий.

Но он не ко всем одинаково относился. К одним он благоволил; к другим же, подчас, был очень строг. Особенно недолго любил он москвичей, и нередко покрикивал на них обличительным тоном.

Был в Лавре на богомолье московский купец и всеми силами старался увидеть блаженного. Иноки сказали ему, что тот, кто будет шуметь в церкви, и есть о. Паисий. Стоит купец в церкви и видит: небольшой старичок между людьми ходит и безбоязненно шумит, обличая нерадивых. Притаился купец в толпе, а сам в руке рубль держит. Вот, думает, пройдет старец мимо — гостинец ему дам. Едва только приготовил он бумажку, а о. Паисий к нему:

— Ты зачем это делаешь? Хочешь мне дать? Не надо — отошли лучше в Кронштадт⁴.

Одна дама предложила блаженному золотой. А о. Паисий, отстраняя подавание, говорит ей:

— Положи, душко, деньги на палку. Если удержатся — возьму.

Женщина беспрекословно повинуетя. Но каждый раз, как только положит, монета падает на землю.

— Уходи, уходи с Богом, — говорит блаженный. — Твои деньги нечисты.

Но было и так, что и сам у кого-нибудь попросит:

— Душко, дайте монеточку.

— На что она вам, о. Паисий?

— Ага, вам нужна, а мне нет?

И великое счастье выпадало на долю того, от кого эти деньги принимал он. Ибо поистине употреблялись они на доброе дело. Блаженный отдавал их убогим и нищим, а сам молился за душу жертвователя.

Приходит однажды о. Паисий к одному иноку вечером, вынимает из кармана слепленные хлебным мякишем монеты и, разложив их по столу, говорит:

⁴ Прав. Иоанну Кронштадтскому.

— Посчитайте, душко, милостыньку. Сегодня ночью в Лубны иду.

Инок исполняет поручение. А блаженный, разложив их по кучкам и показывая то на одну, то на другую, вспоминает:

— Это раба Божия Аграфена дала. (И сам земной поклон кладет.) А это — раб Божий Григорий. (И опять поклон.)

За всех помолился и всех по именам назвал. Вот какой он дивный и великий старец и прозорливец!

Молитва праведника много может. Она является чудодейственной. Отверзает и затворяет небо. Низводит огонь и дождь с небесе. Исцеляет всякие недуги и болезни и воскрешает мертвых. Вооруженные такой силой веры и молитвы, святые Божии, победиша царствия, содеяша правду, получиша обетования, заградиша уста львов, угасиша силу огненную, избегоша острия меча, возмогоша от немощи, быша крепцы во бранех, обратиша в бегство полки чуждых (Евр. 11, 33–34).

Чиновница Мария Самойловна Яроцкая (племянница о. Паисия) имела на душе великую скорбь. Напасти и беды, как зловещие тучи, заволокли горизонт ее жизни. Усердно молилась она в церкви, посылала пожертвования и в Кронштадт, но облегчения не было. На счастье — приходит к ним о. Паисий. Женщина обрадовалась и излила перед ним все свои печали и горе. Блаж. Паисий внимательно выслушал ее и опустил перед иконой на колени. Потом встал и говорит:

— Радуйтесь, душечко! По молитвам о. Иоанна Кронштадтского Бог вас скоро утешит.

И действительно, Господь скоро утешил.

Монах Полихроний, будучи послушником, сильно заскорбел душой и пошел в Великую лаврскую церковь, чтобы испросить у Матери Божией облегчения. Молится, кладет поклоны, а на душе все еще темно. Подходит к нему блаженный и говорит:

— Давай, душечко, разом помолимся. Все пройдет.

Стал блаженный вместе с ним класть поклоны и тропарь Успению читать. И что же? О. Полихроний сейчас же переродился: из глаз полились слезы умиления, а на душе стало легко, спокойно, светло.

Дворянка Н.Б. имела 12-летнюю единственную дочь, да и та припадками головной боли страдала. Доктора отказались лечить, надежды на выздоровление не было. Привезла мать девочку в Киев к великомученице Варваре и стала усердно молиться. Подошел к ним блаж. Паисий и, обращаясь к матери, которая видит его в первый раз, сочувственно говорит:

— Экая, маменька, беда. Единственную дочь имеете, и у той головка болит. Молитесь, душечко, великомученице, молитесь — она поможет.

Изумленная женщина смотрит на него. А о. Паисий, с обычным юродством подойдя к больной девочке и крепко сжав ее за головку, начал втайне молиться, а потом, утешая ее, говорит:

— Не скорби, душечко, Бог даст, будешь здорова.

И действительно, девочка получила исцеление.

Скажет читатель: «Да ведь это чудо?» Да, поистине чудо! Но что же удивительного? Бог *идеже хочет, побеждает естества чин. Творит бо, через Своих избранников, елика хочет*. А таким избранником был и старец Паисий.

Что мы значим без помощи и заступления праведников и святых? Ничего. Невидимый враг всеми силами старается воздвигнуть против нас свои полчища и окружить нас своими легионами. *Обыдоша нас пси мнози, сонм лукавых одержаша нас. Отверзоша на нас уста своя, яко лев восхищай и рыкаяй* (Пс. 21, 17, 14).

Но Господь милосердный, *не хотяй погибели грешника*, посылает нам помощь Свою именно в лице праведников Своих. И как ясное солнце своими лучами согревает охладевшую за ночь землю, так и молитвы праведников и пример благочестивой их жизни согревают наши души, облегчают нашу скорбь и привлекают на землю милость Божию.

Много бо может молитва праведного поспешествуема (Иак. 5, 16).

IX

Борьба монастырского инока со своими страстями и похотями бывает велика, опасна и тяжка. Враг рода человеческого искусен, настойчив, лукав. Он употребляет всевозможные усилия, чтобы погубить человеческую душу. Недаром слово Божие уподобляет его рыкающему льву, ищущему кого бы поглотить. В особенности тяжело бывает новоначальным инокам. Прелести мира непрестанно волнуют их мысли и чувства. Неокрепшее терпение порождает уныние, малодушие, ропот. Необходим наглядный пример для подражания. Необходима сильная нравственная поддержка извне. Необходима чудесная помощь свыше. А если ее не видно? Если помо-

щи нет? — Инок спотыкается, падает. Благо, если он крепок верой и преисполнен мужества и терпения. Такой падает и снова подымается. Но горе слабому, неискусному, малодушному. Искушения, соблазны и страсти охватывают его могучим кольцом. И неискусный борец гибнет в бурных волнах этой пропасти. Смалодушествовал раз — и конец. Нет более сил остановиться, укрепиться оглядеться кругом, если только невидимая десница Божия чудесно не избавит от гибели. Так бывает и в нашей жизни вообще. Пока сапоги чисты, мы делаем большой обход грязи, но лишь они замарались хоть немного, — мы не жалеем их и шагаем куда попало. Но горе нерадивым слабым. Человек, не владеющий духом своим, *что город разрушенный и без стен* (Притч. 25, 28).

Для таких малодушных и слабых, изнемогающих в неравной борьбе с помыслами и страстями, блаженный Паисий являлся истинным утешителем, укрепляя и возбуждая ослабевший в скорби и унынии дух их.

— Душко! — говорит он. — *Брат от брата помогает, яко град тверд*. Мы без помощи Божией ничего не значим. Мы как младенцы бессильные, неразумные.

Заповедь о миролюбии есть самая важная, первая и необходимая. *Мир имейте со всеми*, говорит апостол. Ибо Сам Господь есть Бог мира, и Царство Его — царство мира. Душевный мир — это благодатный плод Духа Святого, а всякая вражда от диавола. Где нет мира, там нет истинной любви христианской. А без любви ничтожны все наши дарования, бесплодны добрые дела, бесполезны подвиги, даже мученические. И если бы каждый из нас следовал учению апостольскому, сколько исчезло бы на земле

зол, сколько исчезло бы нестроений и бед, отягчающих жизнь христианского общества.

Об этом всеми силами старался и блаж. Паисий. Если два брата, обитающие в одной келии, были недовольны друг другом и близки к ссоре, блаженный неожиданно заходил к ним и вразумлял какими-либо приточными способами к примирению.

Жили два брата между собою не в ладу, а помещались оба в одной келии. Заходит к ним блаженный и говорит:

— Душки! Читали вы в Псалтырке: *Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1).

Но те не образумились и продолжали враждовать. Тогда блаженный заходит вторично, схватывает с постели одного простыню и, разорвав ее пополам, отдает каждому по равной части:

— *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть* (1 Ин. 4, 20).

В скором времени их разъединили.

Послушник из клирошан Р. был из новопоступивших. Жил себе «по-божески», на дело спасения души особенно не налегал, а шествовал «царским путем». Была Великая Суббота, канун святой Пасхи. Вышел Р. на минутку из церкви домой, да и думает: «Надо в лавочку сбежать. Маслица для лампадки купить. Завтра Пасха, а у меня даже и лампадка не зажжена!» Но, подойдя к дверям, остановился и раздумал: «Экие предрассудки... Зачем мне лампадка. Ведь и так Бога величаю, в церкви пою. Не пойду, не куплю». И воротился с этой мыслью в церковь. Проходит мимо о. Паисий (а он в форме стоял), а блаженный на него:

— «Не пойду! Не куплю!» Эх вы, нехристы. Идо-
лопоклонники! Жиды! Чтобы лампадка сегодня же
горела. Слышишь!?

Идут дорогой два инок: Вадим и Нафанаил.
Первый впереди, второй сзади. Подходит блаж. Па-
исий к о. Нафанаилу и как бы жалуется:

— Душечко! Ноги-то у меня болят... Так болят,
что и ходить не могу...

Вскоре о. Нафанаил так серьезно заболел нога-
ми, что не мог даже на постели без помощи пере-
двигаться.

Иеромонах Димитриан, будучи послушником, ез-
дил на побывку домой. Возвратился в Лавру, а денег
ни копейки нет. Все на поездку да на бедных родных
издержал, даже на необходимое нет, а одалживать у
людей не любил. Идет по Лавре задумчивый, груст-
ный. Видит, о. Паисий около Великой церкви вдоль
стены под водосточными трубами пролазит. Увидал
о. Димитриана и кричит:

— Душко, любко, голубко, подождите! Деньжо-
нок, знаете, деньжонок нет... Все на бедных родных
издержал... Так вот, извольте.

Сунул ему сверток, а сам и убежал. Взглянул
о. Димитриан, а там около 14 рублей. Бросился за
блаженным вдогонку: «Не надо мне, о. Паисий.
Возьмите, Христа ради, назад»... Но не тут-то было.
Насилу часть взял обратно.

Поехал послушник К. на призыв. Вернулся в
Лавру — беда, на его место другого приняли. Пошел
с плачем к о. наместнику — наотрез отказал. Воз-
вращается К. оттуда грустный-прегрустный. Вдруг
о. Паисий встречается и подает ему огарок свечи:

— Сховай, душечко, за пазуху. Скоро тебе придется воск.

Наутро пришло приказание от о. наместника принять К. в Лавру и послать на послушание на свечной завод.

Увидит, бывало, блаженный игумена Герасима, прежде начальника Китаевской пустыни, а потом благочинного Лавры, и кричит вслед:

— Зарежут вас, душечко, зарежут... Ножичком — чик! А душечка где будет?

И сколько не отгоняли, о. Паисий все свое твердил. Испуганный о. Герасим, опасаясь сбытия слов блаженного, был особенно внимателен к себе. Но в 1901 году его назначили экономом Софийского митрополичьего дома, и здесь он опасно заболел. У него образовался рак в желудке, — врачи решили, что ему необходима операция. Больной был в отчаянии, но все-таки решился на это. И что же? Сейчас от операции и скончался.

Была зима. Идет в шубе отец эконома Лавры иеромонах Полихроний. Глядь, о. Паисий к нему, переодетый в какой-то кожаный кафтан. Сел на снег и ну барахтаться, да снегом себя засыпать.

— Ой, ратуйте! Лихоманка забирает. Как осиновый лист трясет!

О. экономом был человек сердитый. Не раз о. Паисия пробирал. Стал и теперь прочь его гнать. А блаженный кланяется и подает о. Полихронию зеленую свечечку.

— Благоволите, душечко, принять эту свечечку. Скоро я совсем уезжаю! Далеко уезжаю. Скоро я совсем уезжаю! Далеко уезжаю. Никогда уже не

вернусь назад. Прощай дорогая святыня. Прощайте братия и отцы!

Вскоре о. Полихроний простудился и серьезно заболел. По настоянию врачей уехал было лечиться к специалистам в Варшаву, но назад в Лавру так и не вернулся: там Богу душу отдал.

Инок, посвящающий себя на служение Богу, всецело отрекается мира и всего, яже в нем. Но забыть навсегда своих родных он не в силах. Поэтому, думы о том, как живут братья, сестры, отец, мать — частую проносятся в его голове и погружают в раздумье. Изредка получая от родных известия, инок утешается тем, что беседует с ними хоть письменно. Но известия эти не всегда радостны. В этих случаях блаженный старец притчами старался предупредить того или другого инока о случившемся несчастье в его родном доме.

Сидят однажды около келии иеросхимонах Самуил с иеромонахом П. и беседуют. Подходит к ним блаженный и, подавая каждому по горбушке белого хлеба, говорит:

— Отслужите, душечко, панихидку...

Вскоре пришло известие, что у о. С. умерла мать, а у о. П. родная сестра.

Проходит на хорах Великой лаврской церкви монах Тит, а блаженный встречает его и низко кланяется:

— Конечно, душечко... Ничто уж ей не пособит...

В этот же день скончалась у о. Тита мать.

Когда имело случиться в Лавре какое-нибудь происшествие или несчастье, блаженный Паисий

всегда предостерегал кого следует притчами и побуждал к бдительности и вниманию.

Выходит из Великой лаврской церкви еkkлeсиарх архимандрит Валентин. Блаженный перебегает ему дорогу и кричит:

— О, еkkлeсиарх! Это все московские наделали. Московские — чёртовские. Приехали, разломали, вынесли и прочь увезли.

О. Валентин хорошо блаженного понимал. Созывает церковных сторожей и советует им: «Будьте бдительны... О. Паисий что-то пророчит нам». И действительно, дня через два случилась бурная, дождливая, темная осенняя ночь. Приезжие злоумышленники, прикрываясь темнотой и шумом ветра и дождя, взломали в Великой церкви оконную решетку, обокрали денежный свечной ящик и безнаказанно смылись.

Скорби и страдания в жизни человека — это и есть настоящая, неподдельная жизнь. *Иже не примет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин*, — говорит Господь (Мф. 10, 38). Без страданий человек не нашел бы на земле истинного удовольствия. Ибо *от скорби происходит терпение* (Рим. 5, 3). Недаром же и земная жизнь наша называется юдолью плача и сетования. И не было еще такого человека на земле, который не испытал бы в своей жизни мучительных скорбей.

Но скорби и страдания живущих в монастыре во много раз мучительнее, чем живущих в мире. В мире имеются для человека многочисленные способы к рассеянию скорбей, то в виде всевозможных

увеселений, то в форме разнообразных забав и житейских дел. Но для инока один способ облегчения скорбей — слезы, упование, терпение и молитва. Правда, способ этот надежнее и прочнее перечисленных, но не все вмещают его.

Сам шествуя этим узким и прискорбным путем, блаж. Паисий отлично понимал его тяжесть. А потому в минуты скорби и печали был истинным другом и наставником и утешителем и для других.

Случится, бывало, какому-либо брату скорбь или уныние, блаженный — тут как тут. Лицо его полно духовного веселья и радости. Придет, утешит и всякие мрачные мысли и думы как рукой снимет.

Идет монах N по Лавре грустный, унылый и скорбный. Его жестоко обидели — хоть на свет Божий очей не показывай. А блаж. Паисий к нему:

— Чего грустишь, душечко? Вспомни Христа Спасителя. Как Его безжалостно били, как заушали, плевали на Него. И не Он ли претерпел позорную крестную смерть? А все ради кого? Ради нас, душечко.

Видя в блаженном такого мудрого и любвеобильного наставника, иноки и сами нередко обращались к нему за советом. Одних блаженный встречал с радостью и любовью, других — приточно и строго.

Монах Ф-т имел страстное желание ехать в Иерусалим на поклонение святым местам. Но для «испытания» обратился прежде к блаженному за советом. А блаженный, провидя его тайное намерение, вместо ответа дает о. Ф-ту полный горшочек какой-то бурды. И действительно, во время поездки великая «смесь» приключений и соблазнов случилась с о. Ф-м.

Любопытство свойственно каждому человеку. Но если кто из братии особенно стремился постигнуть тайники помышлений и разгадать приточный смысл речей о. Паисия, на таких блаженный весьма ополчался и не стеснялся жестоко подчас наказывать их.

Был в Лавре один человек, который действительно понимал блаженного глубоко, определенно и точно. Это — покойный иеромонах Паисий. Блаженный весьма любил его, частенько хаживал к нему в келью, и жили они друг с другом в духовном тесном родстве. Принимая от своего любимца подаяния, блаженный был весьма к нему расположен и откровенен. Но иеромонах Паисий был не из молчаливых и любил порассказать об этом другим. За это блаженный сердился и не раз укорял его:

— Ага, полиция?! Подсматривать?! Подслушивать?!

А раз даже наказал его за то железной палкой так чувствительно, что тот ощущал это довольно продолжительное время. Получив такое внушительное вразумление, Паисий ушел и думает: «Ну, теперь ко мне в гости не придет... И не надо... Только одно беспокойство с ним»... Но едва возвратился в келию, как блаженный является к нему и говорит:

— Извините, душечко. Хоть и беспокойство, а чайку с вами попьем.

Неоднократно и впоследствии накидывался на него блаженный и, как бы угрожая смертью, кричал: «Убью! Убью!» Слова эти оказались пророческими. Иеромонах Паисий был переведен в Преображенскую пустынь на покой. Страдая слабостью ног, он,

опираясь на палочку, которая досталась ему по кончине блаженного, ходил к нему на могилку и беседовал с ним, как с живым. Пишущий это не раз заставлял его там и пользовался любезным гостеприимством словоохотливого старца. При этом предметом наших бесед по преимуществу была жизнь блаженного, о котором о. Паисий так много знал и поведал мне. В 1907 году слова блаженного сбылись. Господь попустил пострадать о. Паисию от руки злодея: летом этого года иеромонах Паисий среди бела дня был убит в своей келии одним злоумышленником.

Жизнь людей современного века — погоня за призраком модных наук и учений. Повсюду являются лжеучители, сеющие плевелы ложных наук и нечестия. Сеет Сын Человеческий Свое Божественное учение — сеет и враг свои плевелы. Проповедуют пастыри учение Христово — проповедуют и сыны диавола учение сатаны. Распространяют священные книги в народе служители Божии — ширят между народом свои душевредные книги и слуги сатаны. Слово Божие говорит: сотворен человек по образу и по подобию Божию (Быт. 1, 26), а диавол через безбожников уверяет: «Не верь... Случайно мы рождены и ничем не отличаемся от скотов. Дыхание в ноздрях наших — дым, а слово — искра в движении нашего сердца». Слово Божие учит: *...помни о конце твоем, и во веки не согрешишь. ...Помни истление и смерть и соблюдай заповеди* (Сир. 7, 39; 28, 6). А диавол через безбожников говорит: «Ешь, пей, веселись; наслаждайся земными благами, ибо земная жизнь наша кратка»... Слово Божие говорит: *Воздай кесарево кесарю* (Мф. 22, 21). *Не прикасайтесь к*

*помазанным Моим (Пс. 104, 15). Нет власти не от Бога. Всяка душа властям должна повиноваться (Рим. 13, 1). А диавол влагает в сердце развращенного свое: «Не повинуйся властям. Долой их. Все равны. Убивай начальников и старших». Слово Божие учит: *слушайся Церкви Божией* (Мф. 18, 12). *Уважай священников* (Сир. 7, 31). *Почитай пастырей* (Евр. 13, 17), ибо вне Церкви нет спасения. А диавол всевает свои плевелы : «Не надо Церкви. Уничтожь ее. Она поддерживает верховную власть царей и освящает насилие»... Слово Божие говорит: *Чти отца твоего и мать...* *Слушайся старших* (Лев. 19, 32). А диавол учит по своему: «Не слушайся их. Они люди глупые, отжившие, отсталые».*

И много, много других подобных плевел растет на ниве Христовой. И много уловляется слугами диавола молодых невнимательных и рассеянных душ. Но блаж. Паисий зорко следил за подобными людьми и, едва они появлялись где-либо, чтобы навести простодушных на соблазн и погибель, — вразумлял их бесцеремонно палкой и гнал далеко прочь.

Х

В 1867 году состоялась перемена в составе лаврского начальства, и блаженного Паисия водворили в Китаевскую пустынь. Чтобы вернуть его к оседлой жизни, старцы дали ему маленькую келию и поставили за ним блюстителя. Но блаженный и теперь не оставлял подвига юродства и не изменял образа своей жизни. И как могучему орлу, совершающему высокий полет в воздушном пространстве, бывает

невыносимо сидеть на земле с обрезанными крыльями, так и могучему орлу в духовных подвигах — старцу Паисию — немыслимо уже было вернуться к обычной монастырской жизни.

Поборов, путем тяжелых подвигов и жестоких страданий, свои страсти и *обуздав плоти возжелания*, блаженный Паисий порывался всецело отдать себя на служение ближним. Красота мира для него померкла. Земные сокровища превратились в уметы. Мир являлся пустыней. А пустыня — раем. Будучи чужд всяких пагубных страстей, он сделался велик и страшен самому диаволу.

Где же ему было усидеть под контролем взаперти? Ведь обитая на одном месте, он не в силах был выполнить того служения ближним, к которому призывал его Господь. Поэтому он так и рвался на свободу. Но едва только общение с людьми наскучало ему, он снова уходил на время либо в Лавру, либо в другие монастыри.

Отлучки делались теперь не самоправно, но, как бы давая понять, что волей Промысла Божия и он считается сыном святой обители, блаженный подавал разнообразные прошения на имя духовного собора Лавры.

Прошения эти были писаны на грязных листах каракулями и скреплялись оригинальной подписью — то «Паяций», то «монах Паицей». Предметом этих «прошений» была просьба об увольнении его в «отпуск», то на хутор Высокий Горб (Пирятинский уезд), то в Лубенский уезд в с. Руку, или же об освобождении его вовсе от послушания для поправки расстроенного здоровья.

Прощения эти подавались им часто, начиная с 1854 года, и результат их зависел от настроения начальствующих лиц, так как одни из соборных старцев относились к просьбам о. Паисия серьезно, другие смотрели на это, как на юродство.

Получив из канцелярии собора отпускной билет, блаженный не отправлялся в путь, а положив его за пазуху «на хранение», ожидал истечения билета срока. Когда же билет считался недействительным, начинал свои разнообразные путешествия, да и то не туда, куда просился.

— О. Паисий, вы еще здесь? — спрашивают его озадаченные канцеляристы, — когда же вы в Лубны-то поедете?

— Был уже, душечко, был там. До преп. Макария (Переяславского) дошел, да по дороге ногой в болото оступился. Сапог в болоте остался, а я назад. Потому что босой, стыдно.

Речь эту необходимо было понимать в духовном смысле. Ею он указывал на перемену настроения своей души к худшему, что как бы служило препятствием к выполнению им святого намерения. Оправдываясь в другой раз, он сваливал вину то на невидимого врага, то на какую-то пьяную жиловку, которая перешла ему дорогу, и он, якобы усомнившись в пользе путешествия, вернулся обратно.

Самым излюбленным местом его продолжительных путешествий был Лубенский Мгарский монастырь, близ которого он провел годы своего детства.

Отправляясь в далекое «путешествие», о. Паисий принимался заботливо собирать свои «вещи». А представляли они из себя ничтожную грязную рух-

лядь. Вслед за этой операцией блаженный молился Богу и заботливо запирали свою келию, но не на замок, а завязывали дверь тонкой бичевочкой. Если соседи смеялись, что блаженный не прочно затворяет свою пустую келию, и предлагали замок, то о. Паисий глубокомысленно заявлял:

— Это я, душечко, на совесть. А бессовестному и замок не поможет.

Путешествие свое блаженный прямой дорогой не совершал, а умышленно искривлял путь зигзагами то перелезая через огорожи, то проходя вброд через лужи и проч. А то пройдет, бывало, верст 10 вперед, да версты на 3 вернется назад, а оттуда опять вперед, а так без конца, так что вместо верст 20 совершит целых 60.

Пошел раз блаженный в Лубны, да вместо того, чтобы по шоссе идти, повернул на хуторские огорожи и прямо через молодую капусту шагает. Бабы всполошились, гвалт подняли. Мужики выскочили и давай о. Паисия ловить. «Ты кто, откуда, билет у тебя есть?» Но билета у блаженного не оказалось, и его, избитого и окровавленного, силком в Лавру привезли.

— Что с вами, о. Паисий? Где вы так?

— Ой, в Лубны, душко, ходил, рыбку удил.

Иногда блаженный отправлялся в путешествие не один, а вместе с богомольцами. Но и тут не обходилось без обычных причуд юродства, а нередко — и без побоев блаженного.

И сколько, бывало, блаженный Паисий в «кутузках» да «холодных» за время путешествий насидится! Сколько разных унижений перенесет! И всегда,

как нарочно, едва увидит, что на него подозрительно смотрят, так и давай Бог ноги вперед. Ну, думают люди, человек-то, верно, нечист. Догоняют — и давай допрашивать. А блаженный, как на зло, и начнет грозить им палкой или иным каким оружием. Народ озвереет — и давай бить его без пощады. До бесчувствия, бывало, избыют, а он перекрестится, помолится за обидчиков и окровавленный в Лавру спешит.

Подходит однажды к келии, а она уже отперта: услужливые соседи и горшочки с трехнедельными щами повыбрасывали и келию начисто вымыли. Стоит блаженный посреди келии и сердито качает головой:

— Да-с, чистота... Аккуратность... Начальство, значит, приказало... И горшочков нет, и поесть теперь нечего...

— Да полно вам... Чего там — поесть... От ваших горшочков зараза ведь пошла уже...

— Да-с, зараза... А для меня хорошо...

Вот и поди столкнись с юродивым.

XI

Все люди — Божии создания. Все состоим из тела и души... Все созданы прекрасно, возвышенно, по образу и подобию Божию. Одни у всех основные законы ума и нравственности. Когда нас хвалят, нам приятно, когда презирают — тягостно. Голод, холод, нищета — для всех одинаково чувствительны. Сознавая это, мы в каждой беде и опасности должны сочувствовать и помогать ближним. *Возлюбиши ближ-*

ного своего, яко сам себе (Мк. 12, 31). Это первая и высшая заповедь, предписанная законом Божиим. И закон настолько силен, что даже звери любят подобных себе. Как же нам, людям, не любить подобных нам людей. Ведь, украшая жизнь нашу любовью, мы придадим ей величие нашей природе и будем в радость Ангелам и в веселие Создателю Богу.

Ревностно исполняя эту заповедь Божию, блаженный Паисий любил ближнего от всей души и был для одних — благодетелем, для других — грозным обличителем, для третьих — утешителем, а во многих случаях — и предсказателем какого-либо события в жизни: или радостного, или горестного. И это было понятно для всех.

Например, за три дня до мученической кончины Императора Александра II явился блаженный к своему племяннику⁵ и просит дворника вызвать его. Племянник вышел и видит: о. Паисий нервный, расстроенный. Ломает руки и дрожащим голосом говорит:

— Несчастье, душечко! Несчастье!

— Какое? Где?

— Да там... В Петербурге... Ангела Хранителя убьют... 40 мучеников будет.

Но племянник ничего из этой речи не понял. Наступило 1-е марта 1881 г., и весть о необыкновенном злодействе облетела весь мир. Ангела Хранителя земли Русской Императора Александра II действительно убили.

Перед тем как случиться большому голоду в Самарской губернии, приходит блаженный к тому же племяннику и усаживается за стол. Был постный

⁵ Чиновнику А. Г. Яроцкому.

день, и супруга хозяина стала потчевать о. Паисия борщом и рыбой. Борщика блаженный похлебал, а из рыбы повынимал косточки и за голенища сует.

— Зачем вы, дядя, это делаете? — спрашивают его.

— Про запас, душечко, про запас. Скоро великий голод будет. Все пригодится.

Было 15 июля 1888 года. В Киеве происходило великое торжество — празднование 900-летия крещения Руси. К этому же времени было приурочено и открытие памятника гетману запорожских казаков Богдану Хмельницкому. С самого утра все главные площади и улицы были переполнены народом и войсками. Был выставлен парад войск и на площади перед памятником Богдану Хмельницкому. С минуты на минуту ожидалось прибытие на парад начальника края, генерала А. Р. Дрентельна и других высокопоставленных особ. Вдруг неожиданно перед фронтом войск появляется блаженный Паисий с горшком каши в руках. Полиция засуетилась, но не дерзнула удалить его насильно, так как юродивого старца знал весь Киев и все благомыслящие относились к нему с большим уважением; а потому полицейские чины стали просить его уйти отсюда.

— Уйду, уйду, душечки, сейчас уйду, — отвечал блаженный, и вслед затем со всей силы бросил горшок с кашей на площадь. Горшок разлетелся вдребезги, а блаженный убежал за цепь войск и скрылся в толпе. Нечего было делать, пришлось полиции убирать черепки и кашу, так как медлить было некогда: вот-вот начальство нагрянет.

Между тем начальник края генерал Дрентельн почему-то все медлил и медлил с выездом из дому.

Лошадь давно уже была подана, но он, сильно взволнованный, ходил все взад и вперед в своем помещении. Он сам не мог понять причины такого загадочно-тревожного состояния. Однако, оно все росло.

— Чего бы, кажется, не дал сейчас за то, что бы не ехать на торжество, — так он говорил своей жене. — Такая тоска, такая тяжесть на душе. И сам не знаю, что делается со мной. Однако время ехать. Я и так уже опоздал.

С этими словами он простился с женой, вскочил на лошадь и помчался в сопровождении адъютантов на парад. Когда он достиг того места, где блаженный разбил горшок с кашей, с ним сделалось дурно и он свалился с лошади и тут же скончался.

По отъезде генерала Дрентельна на торжество, супруга его также начала сильно волноваться. Ей никогда не приходилось еще видеть мужа в таком угнетенном настроении духа. А потому, чтобы успокоить себя, она и сама решила ехать на торжество. Немедленно был подан экипаж. Но в то время, как генеральша стала садиться в экипаж, перед крыльцом появился о. Паисий с новым горшком каши. Полиция пыталась было удалить его, но он сердито запротестовал:

— Оставьте! Я сам уйду сейчас. Дайте только помянуть раба Божия Александра! — И с этими словами снял с себя шапку, перекрестился, взял ложку каши и произнес: «Упокой, Господи, новопреставленного раба Божия Александра». Совершив это, он немедленно удалился на обычный свой подвиг юродства, а генеральша отправилась на торжество и на пути встретила носилки с телом мужа.

Этот поразительный случай прозорливости блаженного старца о. Паисия немедленно стал известен всему Киеву и запечатлелся в памяти многих навсегда.

ХII

За время 46-летнего пребывания в Лавре блаж. Паисий пережил много начальствующих лиц. Приснопамятные митрополиты: Филарет, Арсений, Филофей, Платон, Иоанникий и наместники Лавры: Лаврентий, Иоанн, Варлаам, Иларион, Ювеналий, Марк, Сергей, и множество лаврских старцев были свидетелями его великих подвигов Христа ради юродства.

Правда, лаврское начальство в первые годы его подвигов, как выше замечено, смотрело на блаженного весьма подозрительно и относилось к нему не особенно дружелюбно.

Но, впоследствии, когда слава о блаж. Паисии разнеслась повсюду и все стали относиться к нему с благоговением, как к угоднику Божию, тогда и лаврское начальство стало смотреть на него иначе и относилось к старцу весьма благосклонно и снисходительно.

Но ни слава людская, ни уничижение блаженного старца нисколько не смущали. Одного только страшился он — это гнева и неблаговоления Отца нашего, *Иже еси на небесех*.

С высшими по чину блаж. Паисий обращался не особенно вежливо, и, как бы научая сильных носить немощи бессильных (Рим. 15, 1), обличал и укорял некоторых из них за их погрешности.

Идет благочинный Лавры игумен В-лий, а блаженный переходит ему дорогу и укоризненно бормочет:

— Ага, важничаєте? Не знаете, как в Китаево иноки живут? Смиренно картошечку как чистят?

— Молчи ты! — сердится о. В-лий, — не то я тебя в Кирилловскую отправлю.

Но о. Паисий не унимается, ибо слова его вещают истину: о. В-лию так-таки и пришлось в Китаевскую пустынь на «понижение» перейти. Его назначили начальником этой пустыни.

С прибытием в 1882 году на Киевскую кафедру митрополита Платона, этого маститого труженика, остроумнейшего и ученийшего из людей, положившего великий труд на дело воссоединения униатов Юго-Западного края с Православной Церковью, — жизнь в Лавре пошла патриархальным, деловым порядком. Паства любила своего архипастыря от души и желала, чтобы Господь продлил жизнь его на многие лета. И действительно, маститый архипастырь, не смотря на свой весьма преклонный возраст, пробыл на Киевской кафедре около 10 лет.

В 1891 году, в день Успения Богоматери, народу в Лавре было видимо-невидимо. Божественную литургию в Великой церкви совершал митрополит Платон. Перед осенением народа дикирием и трикирием, владыка вышел на солею и возгласил: «Призри с небесе, Боже, и виждь и посети виноград сей»... Но остановился на полуслове от неожиданности, ибо блаж. Паисий, протиснувшись сквозь толпу народа, стал на солее и во весь голос завопил:

— Боже мой, Боже милостивый! Последний раз служу... Последний раз наслаждаюсь... Последний раз молюсь здесь...

Слова блаженного оказались пророческими: служба эта в день Успения была для митрополита Платона действительно последней, предсмертной, прощальной.

Накануне смерти митрополита, 30 сентября 1891 года, приходит блаженный к книгопродавцу о. Иоанникию в келию и, обмотав левый рукав тряпкой, на манер траура, вооружается очками с разбитым стеклом и, попросив Псалтирь, принимает усердно читать ее за упокой владыки Платона.

И действительно, на другой день (1 октября) маститый архипастырь скончался.

По смерти митрополита Платона кафедра Киевской митрополии была некоторое время свободна. Один из лаврских старцев, желая узнать от блаженного, кто из современных святителей займет это место, обратился к блаженному с хитроумным вопросом: «Осиротела наша Лавра. Лишились мы главного руководителя. Кого-то пришлют нам?» А блаж. Паисий, как бы не обращая внимания на его слова, оборачивается в сторону и указывая рукой на один из братских корпусов, говорит:

— Душечко! Вы знаете, кто вон в той келийке жил? Сначала монах Платон, а потом Иоанникий.

Спустя недели две, после вышеописанного разговора, на вакантную Киевскую кафедру был назначен высокопреосвященный Иоанникий, митрополит Московский.

Приснопамятный святитель Иоанникий отличался большим строительным опытом и любовью к строительству. С прибытием его в Киево-Печерскую Лавру начались для нее большие перемены. Старая, малая трапеза и при ней церковь были сломаны и на месте их воздвигнуты нынешние великолепные здания. Великая церковь Лавры реставрирована и расписана заново первоклассными художниками. Существующее в Петербурге на Васильевском острове Лаврское подворье с церковью при нем перестроено заново и сделано много других улучшений в хозяйстве обители.

Еще за целый год до прибытия митрополита Иоанникия в Киев блаж. Паисий провидя ожидавшие Лавру большие перемены, делился этой новостью и с другими. Влезет, бывало, на клирос, да клирошанам и шепчет: «Душко... скоро большие у нас перемены будут... Бо-о-льшие...» Или возьмет палку и давай сбивать штукатурку со стен Великой церкви.

— Кладу начало, душко... Скоро московские каменщики да маляры понаедут. Всю церковь заново размалюют.

А то подойдет к углу старой трапезы, упрется лбом в кирпичи, будто глазом расстояние определяет, и давай кругом здания ногами отмеривать:

— Тесно, душечко, стало. Раздвинуть хочу.

По смерти наместника Варлаама был назначен на эту должность архимандрит Иларион. Окончив семинарский курс со званием студента и будучи человеком представительной наружности, выдающимся аскетом и администратором, о. Иларион пользовался всеобщим почетом и уважением. До-

вольный своим высоким положением наместника Лавры, он и не мечтал о епископском сане, но Промысл Божий решил о нем иначе. Наместник о. Иларион неожиданно-негаданно был назначен епископом Переяславским, викарием Полтавской епархии, а впоследствии и епархиальным архиереем.

Задолго до назначения его на епископскую кафедру отправился о. Иларион обозревать Китаевскую пустынь. Подъезжает к монастырю и слышит ему во все колокола звонят, как архиерею. Был тогда послеобеденный час, и наместник, приняв это за насмешку, сделал начальнику пустыни выговор, но оказалось, что это сделал блаженный Паисий, который, провидя будущее о. Илариона, забрался втихомолку на колокольню и оказал ему архиерейскую почесть.

Желая во что бы то ни стало навести о. Илариона на мысль о предстоящем епископстве, Паисий всегда приставал к нему с двусмысленными вопросами:

— Ваше высокопреподобие! Зачем меня архиереем в Полтаву назначают? Ведь я мало учен. Епископом быть совсем не желаю.

А то направлялся однажды о. наместик в Великую церковь к литургии, а о. Паисий подбегает к нему, сует в руку свою палочку на манер архиерейского посоха и целует при этом руку:

— Ваше Преосвященство, — благословите!

О. наместник, не замечая в толпе о. Паисия и предполагая, что это простой богомолец, поправляет его:

— Я не «преосвященство», а наместник Лавры.

А блаж. Паисий громогласно в ответ:

— Ага! Наместник?! — Архиерей Полтавский и Переяславский.

Недели через полторы пришел из Святейшего Синода указ о назначении наместника Лавры архим. Илариона викарием Полтавским. Лаврская братия в знак своего сыновнего почитания поднесла епископу Илариону драгоценную панагию и митру. Покорный воле Божией, владыка Иларион стал с братией прощаться. Прибыв для этой цели и в Китаевскую пустынь, он захотел увидеть блаж. Паисия, который находился в то время в Китаевской богадельне. Приказав захватить для него на память персидский коврик, владыка вошел к нему в келию. А блаженный, встречая епископа с рогожей и подстилая ему ее под ноги, схватил со стола кусок недоеденного арбуза, и ну по стене подобие панагии и какие-то тысячные цифры малевать.

— О. Паисий, — говорит келейник епископа, — владыка вам коврик на память прислал.

— Ага, коврик?! А панагия моя где?! И митры нигде нет? Божечко, все вытащили! Все из сундука унесли!

По дороге в Полтаву сундук, в котором лежали вещи епископа Илариона, был вскрыт злоумышленниками, и драгоценная панагия, поднесенная ему на память киевскими почитателями, была похищена.

С отъездом епископа Илариона в Полтаву, наместником Лавры назначен был архимандрит Ювеналий⁶ из отставных офицерских чинов. Обозревая в первый раз Китаевскую пустынь, о. Ювеналий задумал отслужить там и Божественную литургию. Но едва благословил начало, слышит, кто-то во всю глотку в церкви кричит:

⁶ Впоследствии архиепископ Литовский и Виленский.

— Ага! Офицер, приехал! В казарму ходил! Капусту крошил!

О. Ювеналий возмутился и посылает монаха задержать «наглеца». Но о. Паисия и след простыл.

С этих пор о. наместник смотрел на блаженного, как на какого-нибудь «шарлатана и авантюриста», и не мог равнодушно выносить около себя присутствия о. Паисия с его грязными, зловонными, изорванными отребьями. Но блаженный не смущался этим, а каждый раз, как только увидит бывало о. наместника на дворе, так забегает наперед и, маршируя по-военному, важно командует:

— Раз, два! Раз, два! Левой! Правой!

Сидит как-то о. Ювеналий в наместничьих покоях и задумчиво смотрит в окно. Подходит к подъезду митрополичьего дома блаж. Паисий и, остановившись на некотором расстоянии от крыльца, начинает шагами пространство измерять. О. Ювеналий заинтересовался и посылает келейника: «Сходи, узнай, что этот дурак там делает». Подошел келейник к о. Паисию, а блаженный ему ни слова, но взял свою палочку, стал отмеривать ею какой-то четырехугольник на земле. Кончив эту работу, он снова начал около того самого места маршировать.

Прошло несколько дней, и на том месте, которое было очерчено блаженным, случился глубокий провал.

Собрался однажды о. Ювеналий в город ехать. Подали лошадей. Карета тронулась. А блаженный Паисий сел верхом на свою палочку и впереди вприскачку бежит. Пробежит немного, а потом обернется, и ну наместничьих лошадей останавливать:

— Тпру, вы, окаянные! Тпру! Стой! Ишь монастырского овса как объелись!

О. наместник расхохотался и спрашивает:

— Ты что это, дурак, там делаешь?

А блаженный в ответ:

— Некогда растабаривать. Твое солдатское дело верхом на лошади ездить... Поезжай дальше...

Справившись в городе с делами, о. Ювеналий возвращается назад. Но только стал на подножку, чтобы в карету сесть, лошади с испугу дернули и поволокли его по земле. Запутавшись рясой в колеса экипажа, о. Ювеналий не растерялся, а призывая Бога на помощь, стал про себя читать молитву Иисусову. Прохожие люди помогли кучеру остановить лошадей, и жизнь о. наместника была спасена.

Приезжает о. наместник домой и посылает кейлейников о. Паисия найти, чтобы обласкать и наградить его. Нашли блаженного, но когда стали к о. наместнику звать, он опрокинулся навзничь и давай благим матом кричать: «Ой, голова болит! Не пойду! Не могу! Больно ступать на ногу!»

В тот же день о. Ювеналий от сотрясения нервов занемог. Голова мучительно ныла и казалась как бы налитой свинцом. Вдруг, вечером, блаж. Паисий в покои сам заходит. О. наместник обрадовался и просит:

— О. Паисий — помолись. У меня голова очень болит!

А блаженный ему в ответ:

— Ага, Паяций, помолись... Голова болит... Не умею! Не хочу! Все позабыл! Четочки дома оставил!

И повернувшись, ушел.

С этих пор блаж. Паисий стал пользоваться у о. наместника великим почетом. Любовь свою о. Ювеналий показывал тем, что никогда не преследовал о. Паисия за его оригинальные действия и даже другим строго-настрого приказывал не обижать его.

Желая однажды обновить блаженному его изодранные лохмотья, о. наместник призывает его к себе в покои и выносит ему хорошую зимнюю плюшевую шапку:

— О. Паисий, это тебе... Шапочка новая, хорошая... Ее один святой старец в пустыни носил. От него и мне в благословение досталась. Давай сюда свое дырявое решето.

И выхватив у блаженного его изодранную грязную шапку поспешно бросил в горевшую печьку. О. Паисий вскочил как ужаленный, да как закричит:

— Ратуйте! Горит! Пожар!

И бросил, в свою очередь, шапку о. Ювеналия в ту же печьку, а свою выхватил из огня, и давай ее по полу возить, да ногами топтать...

Перепуганные келейники прибежали с водой, но напрасно: пожару не случилось, а смрадного дыму о. Паисий напустил довольно.

Прошло несколько лет. Получает однажды архимандрит Ювеналий телеграмму из Санкт-Петербурга с извещением, что представлен к назначению епископом Переяславским. В тот же день приходит о. Паисий в наместничий дом и вытянувшись перед о. Ювеналием в струнку, делает под козырек:

— Ваше высокоблагородие! Позвольте лошадей мне... Через цепной мост на поклонение в Переяс-

лавль ехать надо. Иначе не пройду. Разбойники у цепного сидят, не пускают.

Получив записку на лошадку, через полчаса возвращается и отдает ее назад:

— Не надо... И на лошадях в Переяславль все равно не поедешь...

Вскоре пришло новое известие о том, что из-за отсутствия в Петербурге первенствующего члена Синода, митрополита Исидора, доклад без его подписи о назначении наместника Ювеналия епископом Переяславским Государем Императором не утвержден.

Заходит однажды о. Паисий в канцелярию Духовного собора Лавры и, пожелав канцеляристам помощи Божией, усаживается на диванчик у двери, подавая вид, что крайне устал и нуждается в отдыхе. Это было летом 1892 г. Был присутственный день, и в заседании собора принимал участие и о. наместник, архимандрит Ювеналий. У о. Ювеналия было в обычае каждый раз, когда он бывает в заседании, заходить по окончании заседания в канцелярию для приветствия тружеников и преподания им благословения Божия. Так было и в этот день. Но когда о. Ювеналий показался только в канцелярии, как блаж. Паисий бух ему в ноги: «Благословите, Ваше Преосвященство, благословите!» Благословение было преподано, и старец немедленно удалился из канцелярии. И что же? Пророчество старца исполнилось. Вскоре архимандрит Ювеналий действительно стал «преосвященством», ибо в конце сентября того же года был назначен епископом Балахинским, викарием Нижегородской епархии.

XIII

...Всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или мать, или жену, или чада, или села, имене Моего ради, сторицею примет и живот вечный наследит (Мф. 19, 29). Такова заповедь Спасителя, необходимая каждому иноку. Но блаж. Паисий, несмотря на полное отречение свое от мира, связи с родными не прерывал. Святая душа его обнимала и заключала в себе всех, считая, впрочем, родство по Богу выше родства по плоти. А потому, приняв на себя подвиг служения ближним, он видел в лице родных — подобных другим обыкновенных людей, требующих от него благочестивого примера и полезных советов и наставлений к укреплению разума и к исправлению и усовершенствованию духа.

Связь его с родными не была похожа на связь людей, скрепленных между собой однородными интересами, а была связь духовная, далекая по внешнему виду, но близкая по влечению души и сердца. И когда родные его, по своей немощи, особенно предавались суете мира и удовольствиям плоти, он скорбел духом, дабы они, как сеющие радостью, не пожали слезами. Когда же видел, что Господь вразумляет их наказанием, тогда торжествовал, ибо скорби эти служили им облегчением пути, ведущего в живот вечный.

Родственники о. Паисия были люди состоятельные и жили безбедно. Мать блаженного проживала до дня своей смерти, то в Лубнах, в собственном доме, вместе с женатым сыном, чиновником Моисе-

ем, то уезжала летом на хутор Высокие Горбы Пирятинского уезда к другим родным. Старший же брат блаженного, Григорий, у которого о. Паисий провел на воспитании свои детские годы, жил с семьей в Киеве.

Влияние блаженного на родных было велико. Видя перед собой пример изумительной жизни родственника-подвижника, братья о. Паисия — Моисей и Григорий — дали Богу обет, что тот, кто переживет другого, обязан идти в монастырь. Моисей скончался ранее, и Григорий, не желая нарушать данного Богу обета, вышел в отставку и поступил в число братии св. Лавры. Будучи затем назначен писцом в канцелярию Духовного собора, он в этом почетном звании лаврского послушника и скончался.

Особенно любовью блаженного пользовался родной племянник его А. Г. Яроцкий с женой своей М. С-ю. Дом их был постоянно открыт для блаженного, который часто неожиданно являлся к ним перед днем печали или радости, чтобы укрепить и наставить их на пути мира, добра, любви и правды.

Когда А. Г. Яроцкий был холостяком 22-х лет и служил бухгалтером Киевского казначейства, пришло из Санкт-Петербурга распоряжение: отправить туда из каждого уезда по одному опытному бухгалтеру для изучения новой бухгалтерской системы. Жребий пал и на А. Г. Но не решаясь принять на себя этого поручения, молодой человек отправился в Лавру, к отцу, за советом. Отец, выслушав сына, старался его отговорить: «Не бери, милый, поручения... Чего доброго вляпаешься в беду». А блаж. Паисий, вмешавшись в их беседу, говорит:

— Не мешай, душко, молодому. Бог благословит, пускай едет.

Послушавшись совета о. Паисия, А. Г. отправился в Санкт-Петербург и по окончании командировки, как более сведущий и опытный, получил даже награду.

Спустя несколько лет после женитьбы А. Г., когда у супругов родился первый сын Николай и долгое время следующих детей не было, приходит к ним о. Паисий и приветствует:

— Радуйтесь! Молитесь! Скоро благодать Божия посетит вас.

И действительно вскоре Господь утешил их: у них родился еще сын Василий.

Приехала в Киев сестра жены А. Г. инокиня Ржищевского монастыря Елисавета с намерением перевестись во Флоровский монастырь. Но блаженный на переход благословения ей не дал.

— Не надо, душко. Сидишь в раю, так из рая и не вылезай.

Но не всегда блаж. Паисий был благосклонен к своим родным. Если он провидел в сердце их затаенную цель посмеяться над его причудами и оригинальностью или усматривал любопытство заглянуть вглубь его непостижимой жизни, с такими блаженный не церемонился и старался отечески вразумить их.

Съехались как-то из далеких мест в Киев некоторые члены родни Яроцких и целой толпой отправились в Китаево, чтобы посмотреть на блаженного и «почудить» над ним. Был послеобеденный час. Братия отдыхала. В монастыре была полнейшая тишина, и только дворник в отдалении подметал двор.

Получив от господ на чай, дворник проводил их в келию, где обитал в богадельне о. Паисий, а сам пошел разыскивать его по монастырю. Глядь, идет блаженный навстречу ему и несет в одной руке со-вочек с углями, а в другой судки с кашей.

— Что, душко? Родственнички пришли? Голод-ненькие пришли? Надо угостить. Чайком, душко, угостить, по-монастырски.

И убежал в келию. Завидев о. Паисия, родствен-ники обступили его гурьбой и любопытствуют. Но блаженный, не обращая на них ни малейшего вни-мания, притащил от соседей полный самовар воды, кашу рассыпал по полу, а угли поверх каши и да-вай из самовара на пол воду выпускать. Гости, при виде этой картины, подняли невообразимый хохот. А блаженный схватил грязную метлу и со словами: «Извините! Простите! Начальник приказал, чтобы чистоту наблюдать», — принялся без милосердия возить ею по полу. Обрызганные и перепачканные посетители пробовали было возмутиться, но уви-дев, что блаж. Паисий не шутит — давай Бог ноги. Повыскакивали из келии, как ошпаренные, и сме-ются:

— А что, получили удовольствие? Пойдете в дру-гой раз о. Паисия посмотреть?

И давай между собою браниться да за глупую за-тею друг друга ругать.

Мать блаж. Паисия Мария была небольшого роста, тщедушная старушка. Большую часть жиз-ни, как выше замечено, она проживала то в Лубнах, то на хуторе Высокие Горбы Пирятинского уезда и редко виделась с блаж. Паисием.

Однажды, прибыв в Лавру и ничего не ведая о юродстве блаженного, мать в простоте сердца своего привезла о. Паисию корзину яиц. Момент радостного свидания настал. Увидев перед собой любимого сына, Мария кидается ему на шею. Но блаженный, не желая нарушать покой своей души далекими воспоминаниями, и чтобы показать матери, что значат слова: *иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37), раскрывает принесенную старухой корзину, схватывает свою мать в охапку и усаживает ее на кучу яиц. Яйца раздавились и потекли, а озадаченная старуха так и осталась сидеть на них, пока сторонние люди не сжалились над ее горем и не утешили ее. Тогда только узнала Мария, какая великая пропасть лежит теперь между ней и ее родным сыном.

С этих пор богобоязненная старушка частенько наведывалась в Киев и, останавливаясь у родных, приходила в Лавру на богомолье. Но встречаясь с любимым сыном и понемногу познавая его душевный мир, она смотрела на него с благоговейным трепетом и никогда не решалась высказывать ему своих материнских нежностей.

За это и сын платил матери особенной привязанностью и тайной любовью. Так что, когда старушка Мария внезапно однажды занемогла и была отправлена на излечение в больницу лаврской странноприимницы, — блаженный с нежностью ухаживал за ней, как за малым ребенком, и на собственных руках выносил старуху на двор освежаться чистым воздухом.

Был 1865 год. За свою добродетельную и строгую жизнь, а быть может, и за молитвы своего

сына, старуха Мария, предузнав от Бога свою кончину, приехала в Киев повидаться с родными, причем, минуя своего старшего сына, она пришла на квартиру к холостому внуку А. Г. заявив ему, что пришла умирать. «Упаси вас Бог и помилуй! — запротестовал А. Г. — Идите лучше к Григорию». Но старушка осталась здесь и на другой день вечером отдала Богу душу. Делать было нечего: А. Г. извещает своих родных (за исключением, конечно, о. Паисия), и уходя утром из дому на службу, приказывает своим сестрам: «Смотрите, милые, окон в комнате не отворяйте! Не то покойница от ветра разлагаться станет». Распорядился и ушел, но, возвращаясь в 4 часа домой, видит: окна и двери настежь открыты, а покойницы в доме нет. «Что за притча? Бабушка где?»

Оказалось, что блаженный Паисий, провидя духом печальное семейное событие, приехал с готовым гробом и, положив в гроб покойницу, повез ее на извозчике в Китаево. Там она была иноками отпета и с честью погребена.

Счастлива мать, воспитавшая такого великого сына, как о. Паисий!

XIV

Кто желает следовать путем Господа, не должен искать на земле никакого утешения, а беспрестанно мириться с нуждой, лишением и скорбью, твердо памятуя, что и Сам Господь, Обладатель видимой и невидимой твари, не имел на земле места, где бы главу подклонить.

К сожалению, недовольство своей участью — общая болезнь всех людей. Есть люди, которые обладают всеми благами жизни, но нисколько не довольны собственной судьбой. Если человек богат — хочет быть еще богаче. Если беден — завидует богатству ближнего. Бездетный недоволен тем, что не имеет детей, а имеющий детей скучает, что обременен многочисленным семейством.

О, если бы мы сравнивали себя по дарам счастья не с теми, которые стоят по счастью выше нас, а с теми, которые остаются позади нас, — мы были бы в душе довольны своим жребием. Ведь по своим грехам мы недостойны и того, что Бог подает нам.

Человек должен быть выше всего земного. Бог сотворил нас для деятельности духовной, а не для наслаждений, расслабляющих тело и душу. Совершенное равенство людей невозможно, а слава, богатство, честь и постоянные радости с удовольствиями направляют человека на широкую дорогу, ведущую к гибели вечной. Александр Македонский завоевал полмира, а был ли доволен своей судьбой? Царь Соломон наслаждался всеми благами жизни, а был ли спокоен душой? Нет и нет.

Но блаж. Паисий, проведший жизнь свою во всяком злострадании и строгом постничестве, мужественно боровшийся с врагом спасения и ежечасно думавший о загробной участи и Страшном Суде, всегда веселился духом и *радовался о Господе* (Флп. 4, 4). Ибо, сознавая себя *храмом Божиим, в котором Дух Божий живет* (1 Кор. 3, 16), он показал веру свою от дел своих (Иак. 2, 18), и все то, что делал в своей жизни, — *делал от души, как для Господа, а не для*

человеков (Кол. 3, 23). Правда, бывали и у него моменты невыносимой скорби, когда враг спасения устремлялся на его душу со всеми полчищами, и тогда блаженный говаривал словами Спасителя:

— «Прискорбна есть душа моя даже до смерти»... — И, как бы утешая собеседника надеждой на милость Божию, добавлял: «Многими скорбями, душечко, подобает нам внити в Царство Небесное».

Наконец, жизненный путь старца стал приближаться к концу. Чувствуя недомогание сил, он попросился на покой в братскую богадельню, куда и был перемещен 18 октября 1897 года.

Получив на закате дней покой своему телу и оглядываясь на пройденный путь многотрудной, непоситимой жизни, старец Паисий благодушно шутил:

— Хе-хе. Целый век служу. Хоть бы красную ленточку дали.

Конечно, говорилось это не из желания иметь какую-то красную ленточку, а в обличение людской немощи. Ибо те бесчисленные благодеяния, которые оказал он людям, не могли сравняться ни с какими заслугами величайших мужей мира сего. Обитая здесь, на земле, в бесконечной нищете, бесславии и унижении, он мыслию витал в чертогах небесных. Ибо тот, кто истинно служит Богу, от Бога получит и награду пред лицом всех Ангелов и святых.

А мы, истинно ли служим Богу? Сколько между нами благочестивых только по наружности, жертвующих даже на храмы Божии крупные суммы, но делающих это только для того, чтобы приобрести жалкие земные награды, газетные похвалы, чины, ордена... И что же? Судьба этих людей жалка: не

имея в душе любви к Богу, они неизбежно лишаются и небесной награды, как тайные лицемеры, обманщики и лгуны.

Достигнув ангельской чистоты жизни, но по душевному смиренномудрию почитая себя презреннее и хуже всякого последнего из грешных людей, блаженный, как верный и преданный раб Церкви Христовой, беспрекословно выполнял все установленные ею христианские обязанности и многократно в году бывал у исповеди и св. Причастия.

Духовник о. Паисия, иеросхимонах Николай, отзывался о жизни блаженного в таких знаменательных выражениях:

— О. Паисий свое дело знает. Он Богу приносит душевную жертву, а людям оказывает помощь человеческую. Духом ходит, — добавляет о. Николай. — *Сеющий духом, от духа пожнет живот вечный* (Гал. 6, 8).

Находясь в Китаевской богадельне, блаженный Паисий помещался в келии не один. Вместе с ним помещался и глубокий старец о. Феодор. Отношения о. Паисия к своему сожителю были весьма оригинальны. Будучи ангелом во плоти, но как бы желая показать перед людьми свое о. Феодором недовольство и раздражение, блаженный повесил посреди комнаты шнур, а на шнур прикрепил несколько грязных тряпок, как бы определяя этим «границы» своих «владений», и гнал при случае сожителя прочь:

— Куда лезешь? — повелительно покрикивал, когда тот переходил на его сторону. — Ступай на свою половину, а это моя.

Но трапезовали они всегда вместе.

Останавливая внимание на этом невинном, чисто детском поведении блаженного, невольно можно воскликнуть: *«Аще не будете, как дети, не ввидите в Царство Небесное!»*

Сколько было старцу Феодору лет, никто не знал. Да и сам он не мог дать на то определенного ответа. Когда же старца отправили в больницу и там потребовалось узнать о его возрасте, то о. Феодор отвечал: *«Когда Наполеон был в Москве, я возил русским солдатам сухари. И было мне тогда 16 лет»*.

В больнице этой 90-летний старец вскоре ослабел и лежал в постели без движения. А блаж. Паисий частенько посещал его, читал больному правило и был для него истинным братом милосердия. Когда же старцу Феодору наступил последний час, блаженный отправился к свечарю за свечой, но пока возвратился с ней, о. Феодор уже отдал Богу душу.

Проживая в Китаевской богадельне, блаж. Паисий и сам частенько стал прихварывать. Сугубые долголетние подвиги юродства и постоянная многострадальная жизнь, часто под открытым небом и в стужу, и в жару, надорвали в конец его ослабевшее здоровье. Но укрепляемый силой свыше, старец старался ходить бодро и держать себя весело, и только в минуты припадка мучительного кашля, показывая кому-либо из братии свою исхудалую, надорванную грудь, взывал:

— Душко, ледку... Горит...

И чтобы дать своей изнуренной плоти временный покой, ложился в больницу отдохнуть.

Но такие «отдохновения» его были кратковременны: он вскоре выписывался из больницы и снова спешил на службу грешному миру.

По целым неделям не видя блаженного в Лавре, почитатели старца находили его в богадельне в Китаево.

Приехала к о. Паисию игуменья одного из монастырей. Разом с ней прибыло несколько сестер и одна образованная, знатного круга, барышня N, имевшая намерение поступить в ту же обитель. Старец Паисий принял всех очень любезно и, обращаясь к барышне, говорит:

— Ты, душечко, молись, молись... Тебе большой подвиг предстоит. Подержи в руках палочку, поддержи.

При обратном отъезде из Китаево, старица игуменья предлагает о. Паисию деньги и просит помолиться за нее. Но блаженный, приняв это подаяние, отдает его барышне, а сам становится спиной к стене и, сложив крестообразно руки, в безмолвии закрывает глаза.

По приезде в свою обитель старица игуменья расхворалась и умерла. А на ее место единогласно была избрана сестрами барышня N, уже к тому времени принявшая пострижение в ангельский образ.

Так, значит, и сбылось предсказание старца Паисия о предстоящих ей больших подвигах.

XV

Наступил 1893 год. Незадолго до своей смерти приходит блаж. Паисий к своему племяннику и приносит ему свой образок Казанской Божией Матери.

— Прими, душко, иконочку. Это вам на благословение, я скоро умру.

Предузнав, таким образом, свою кончину, старец заботливо вычистил свою келию и, не желая оставлять

будущим заместителям ее следов своего «нестяжания», повыкидывал прочь свою посудинку и черепки.

— Душко, подавай мою сумочку. Принеси палочку, — говорит он своему соседу.

— Что вы, о. Паисий? Опять от нас собираетесь? Куда?

— Далеко, душко, пойду. Больше меня не побачишь.

Помолился о. Паисий Богу и в Лавру пошел. «Вижу я, — говорит монах Иоиль, — блаженный на повозочке с иноками едет; на боку лежит и правой рукой под голову подпирается. «Здравствуйте, о. Паисий. Куда вы?» — «В Лавру, душечко, в Лавру. Помирать еду». Я засмеялся: думаю, старец шутит. — Но это уже была не шутка, а действительность. Это было в начале апреля или в конце марта месяца 1893 года».

По прибытии в Лавру блаженный еще более изнемог, и его поместили в братскую больницу на излечение. Отсюда он уже более не выходил, но с каждым днем все более и более изнемогая, 17 апреля волею Божию тихо скончался, будучи напутствован перед этим Святыми Тайнами Тела и Крови Христовых.

В момент смерти блаженного часы показывали половину 12-го ночи. Опрятав тело скончавшегося старца и облачив его в иноческие одежды, больничные служители положили его в приготовленный гроб и поставили в церкви больничного Николаевского монастыря.

С рассветом вся Лавра, а за нею и все горожане узнали, что блаженного старца Паисия уже нет в живых. Великая скорбь объяла всех. Многие проливали изобильные слезы. Всем казалось, что со смертью этого дивного старца закатилась звезда настоящей

иноческой жизни, ушла в вечность опора немощных и слабых духом и помощь убогих и сирых.

Одежды блаженного, в которых он прибыл в больницу, были разобраны нарасхват. Величественные свечи в память усопшего залили ярким светом всю церковь. Панихиды совершались одна за другой. В течение первого дня их насчитывалось до 40. Почитателей блаженного и богомольцев перебывало у гроба до 15 000 в один день. По причине такого громадного наплыва публики, которая буквально не отходила от гроба блаженного, ворота Лавры не закрывались до позднего вечера.

Отпевание совершал глубокий почитатель старца экклесиарх Лавры архимандрит Валентин соборне. Пели клирошане Великой церкви под управлением уставщика иеромонаха Иерона. Народа была масса.

Отпевание кончилось. Шествие двинулось за святые ворота обители. Здесь совершена заупокойная лития. Певцы запели «Вечную память», и толпа с благоговением опустила на колени. Гроб с останками установлен в катафалк и направился в лаврскую Спасо-Преображенскую Пустынь на братское кладбище. Раздались оглушительные рыдания и вопли. Некоторые женщины с громким плачем рвались на гроб, более сдержанные умоляюще вопияли к почившему с протянутыми вперед руками.

Через час-два и высокий курган земли уже навеки закрыл собою гроб с останками дивного и святого старца.

Спи же блаженным сном добровольный мученик Христов и молись за нас Господу Богу! Узким и прискорбным путем шествовал ты по земле, крест

непостижимой жизни своей, *яко ярем вземши Христу последовал еси верно.* Иди же, и насладись уготованных тебе почестей и венцов небесных.

Ты жизни святостью своею
Себя навек увековечил,
И души гибнущих людей
Обожествил, очеловечил.

Мы же, грешные и презренные, взирающе на окончание жителства твоего, будем, по силе, подражать вере твоей.

XVI

Прошел год. Стогны града Киева как бы опустели. Не слышно более громкого голоса блаженного, ясными притчами обличающего греховные мысли и, как острым ножом, пронизывающего своими словами совесть человеческую. Кто укрепит ныне терпение в скорби? Кто будет наставлять людей на путь истины? Кто первый придет туда:

Где трудно дышется,
Где горе слышится...

Умер о. Паисий! Оскуде преподобный! Но дух усопшего старца как бы витал еще здесь. И тот, у кого было истинное горе, кто испивал чашу страданий, находился под гнетом сомнения, — с наболевшим сердцем спешил к нему, на его дорогую могилку, и отслужив там панихиду, получал по вере своей облегчение.

Многим являлся блаж. Паисий и во сне. «Вижу я, — говорит монах Диомид, — большую равнину, на ней чудный-пречудный сад, а в том саду блаж. Паисий в белой, блестящей одежде ходит. Увидел меня, что я к этому саду подхожу, и ласково улыбаясь говорит: «По-

годи, душечко. Еще не пора тебе в сад идти. Рано еще яблочки есть». Тут я и проснулся и за великую славу, в которой я блаженного увидел, от души Господа Бога возблагодарил». Эти, облаченные в белые одежды, кто и откуда пришли? *Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровью Агнца* (Откр. 7, 14).

Целый год на могиле блаженного стоял один только деревянный крест. Но потом, упомянутый выше искренний почитатель старца, о. экклесиарх, архимандрит Валентин, который и отпевал его, заменил этот крест великолепным гранитным памятником-плитой со следующей надписью:

«Здесь покоится раб Божий инок Паисий, в мире Прокопий Яроцкий, мещанин г. Лубен. Родился 8 июля 1821 года. В Киево-Печерскую Лавру поступил в 1842 году; в рясофор пострижен в 1854 году. Смирненно исполняя монастырские послушания около 25 лет: на пещерах, в Лавре, в Голосеево, Китаево, постепенно восходил на тесный и прискорбный путь строгой, подвижнической жизни, нищеты и юродства. Скитался без пристанища, одевался в рубища, *питался остатками братской церкви* день и ночь. Многое будущее предсказывал притчами верно, предсказал и кончину свою. Пришел в братскую больницу и, мало поболев, мирно скончался 17 апреля 1893 года, и погребен честно по усердию к нему множества братии и мирян.

Со святыми упокой, Господи, душу раба Твоего, инока Паисия, во Царствии, идеже есть всех веселящихся жилище, и сотвори ему вечную память.

От признательного архимандрита Валентина».
Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.	3
I.	5
II.	16
III.	21
IV.	29
V.	39
VI.	49
VII.	59
VIII.	64
IX.	69
X.	79
XI.	83
XII.	87
XIII.	96
XIV.	102
XV.	107
XVI.	110

